

A large, dark blue crow with long tail streamers is the central focus, flying over a city at night. The city buildings are silhouetted against a dark sky with a full moon and stars. The crow's feathers are intricately detailed, and its tail feathers are long and pointed. The overall mood is mysterious and dramatic.

Бестселлер The New York Times

ЛИ БАРДУГО

ШЕСТЁРКА ВОРОНОВ

ШЕСТЬ ОПАСНЫХ ИЗГОВ.
ОДНО НЕВОЗМОЖНОЕ ПОХИЩЕНИЕ.

Annotation

Кеттердам – шумный центр международной торговли, где по сходной цене можно купить все, и лучше других это знает юный гений преступного мира Каз Бреккер. Ему выпадает шанс на ограбление века, которое может сделать его невообразимо богатым. Но один он не справится...

Узник, буруемаемый жаждой мести. Стрелок, который любит испытывать судьбу. Беглец из высших слоев общества. Шпионка, известная под кличкой Призрак. Девушка из магического ордена гришей с необычным даром. Вор с талантом выходить сухим из воды.

Шесть опасных изгоев. Одно невозможное похищение.

Ли Бардуго

Шестерка воронов

Leigh Bardugo
Six Of Crows

Copyright © 2015 by Leigh Bardugo
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Кейт – моему тайному оружию и неожиданному другу.

Гриши
Солдаты второй армии
Мастера малой науки

Корпоралы (Орден Живых и Мёртвых)
Сердцебиты
Целители

Эфиралы (Орден Заклинателей)
Шквальные
Инферны
Проливные

Субстанциалы (Орден Фабрикаторов)
Прочники
Алкемы

1. Йост

У Йоста было всего две проблемы: луна и усы.

Вообще-то он должен обходить дозором дом Худе, но вместо этого последние пятнадцать минут парень слонялся у юго-восточной стены сада, пытаясь придумать, что бы такое умное и романтическое сказать Ане.

Если бы только ее глаза были синими, как море, или зелеными, как изумруд... Но нет, они карие – добрые, мечтательные... Карие, как горячий шоколад? Как бурый кроличий мех?

– Просто скажи, что ее кожа сияет, как лунный свет, – советовал его друг Питер. – Девушкам такое нравится.

Прекрасное предложение, если бы только не безветренная погода в Кеттердаме. Ни малейшего ветерка не задувало в тот день с гавани, и потому городские каналы и косые переулки укрылись зябким, молочно-серым туманом. Даже здесь, среди особняков Гельдшпрата, в воздухе стоял невыносимый запах рыбы и застоявшейся воды. Дым от заводов, расположенных на внешних островах, затянул ночное небо солоноватым маревом. Полная луна походила не столько на драгоценный камень, сколько на пожелтевший прыщик, который давно пора выдавить.

Может, польстить её смеху? Вот только Йост никогда его не слышал. Никудышный из него шутник.

Он взглянул на своё отражение в стеклянной двери дома, выходящей в сад. Мама была права. Даже в новой форме он выглядел как мальчишка. Йост легонько провёл пальцем над верхней губой. Ну когда же у него наконец вырастут усы? Хотя... они определённо стали гуще за эту ночь!

Йост служил в городской страже почти шесть недель, однако все было не так радужно, как ему представлялось. В своих мечтах он ловил грабителей в Бочке или патрулировал гавани, осматривая груз, прибывающий в доки. Но с тех пор, как в мэрии убили того посла, Торговый совет всерьёз беспокоился о своей безопасности. И чем же он занимался? Правильно – наматывал круги вокруг дома какого-то купца. Хотя нет, не какого-то. Советник Худе занимал едва ли не самую высокую должность в правительстве Кеттердама. Он из тех людей, кто знает, как делать карьеру.

Йост одернул китель и поправил винтовку, затем дотронулся до тяжелой дубинки на бедре. Может, Худе приметит новичка и поможет ему продвинуться по службе? *«Зоркий малый и дубинкой умело пользуется, – скажет он. – Этот парень достоин повышения!»*

– Сержант Йост ван Пуль, – прошептал он, наслаждаясь звучанием слов. – Капитан Йост ван Пуль.

– Хорош на себя пялиться!

Йост резко обернулся и покраснел, увидев Хенка и Рутгера, выходящих в сад. Оба были старше него, крупнее и шире в плечах. Мужчины патрулировали дом внутри и состояли в личной охране советника Худе. Это означало, что они носили светло-зеленые ливреи, были вооружены лучшими винтовками из Нового Зема и никогда не позволяли Йосту забыть, что он – всего лишь жалкий городской дозорный.

– Гладь свой пушок сколько влезет, от этого он не станет расти быстрее, – громко рассмеялся Рутгер.

Парень попытался сохранить остатки достоинства.

– Мне нужно закончить обход.

Рутгер пихнул локтем Хенка.

– Видать, снова намылился в мастерскую гришей, чтобы поглазеть на свою девушку.

– Ох, Аня, ты же можешь пустить в ход магию гришей и сделать так, чтобы мои усы начали расти? – глумливо пропищал Хенк.

Йост развернулся на каблуках и зашагал вдоль восточной стены. Щеки парня горели огнем. Эти двое дразнили его с тех самых пор, как он поступил на службу к Худе. Если бы не Аня, он наверняка попросил бы капитана о переводе. Они с девушкой обмолвились лишь парой фраз, но встречи с ней – лучшее, что происходило с ним во время смены.

Надо признать, дом Худе ему нравился – по крайней мере та часть, которую удавалось разглядеть через окна. Советник содержал великолепный особняк на улице Гельдштрат. Полы в доме были из сверкающих квадратов черного и белого камня, стены покрыты отполированным темным деревом, и вся эта роскошь освещалась люстрами из дутого стекла, похожими на плавающих под кессонным потолком медуз. Иногда Йост представлял, что это его дом и что он – богатый купец, гуляющий по своему чудесному саду.

Прежде чем свернуть за угол, паренёк сделал глубокий вдох. *«Аня, твои глаза такого же цвета, как... кора дерева?»* Ладно, что-нибудь да придумает. Спонтанность – его конёк.

К удивлению Йоста, стеклянные двери в мастерскую гришей были распахнуты. Сама мастерская говорила о богатстве хозяина даже больше, чем расписная голубая плитка на кухне или каминные полки с горшочками тюльпанов. Услуги гришей стоили недешево, а у Худе их было трое.

Однако Юрия за рабочим столом не оказалось, да и Ани нигде не было видно. В мастерской находился лишь Ретвенко, который сидел, развалившись, в кресле в своей синей мантии. Его глаза были сомкнуты, а на груди лежала раскрытая книга.

Йост, потоптавшись у входа, откашлялся:

– По ночам двери следует запирать.

– В доме жарко, как в парилке, – проворчал мужчина, не открывая глаз. Его сильный равкианский акцент немного искажал слова. – Можешь передать Худе, что я непременно их закрою, как только перестану истекать потом.

Ретвенко был шквальным и самым старшим из трёх гришей. В его волосах уже виднелись седые пряди. Ходили слухи, что в гражданской войне у себя на родине он сражался за проигравшую сторону и сразу после поражения сбежал в Керчию.

– С радостью передам твои жалобы советнику, – соврал парень. В доме всегда было слишком душно, словно Худе кто-то заставлял сжигать чёртов уголь, но Йост не собирался поднимать эту тему с хозяином. – А пока...

– Ты принес вести о Юре? – перебил Ретвенко, наконец приоткрыв тяжёлые веки.

Йост с тревогой покосился на миски с красным виноградом и груды бордового бархата на рабочем столе. Юрий работал над тем, чтобы придать цвет ягод шторам госпожи Худе, но приболел несколько дней назад, и с тех пор Йост его не видел. Бархат начал покрываться пылью, а виноград почти сгнил.

– Я ничего о нём не слышал.

– Ну конечно. Ты был слишком занят, расхаживая вокруг в этой дурацкой фиолетовой

форме.

А что не так с его формой? И что вообще Ретвенко тут делает? Он работал личным шквальным Худе и часто перевозил ценный груз, обеспечивая попутный ветер, чтобы корабли поскорее добирались до безопасной гавани. Почему он не в море?

– Наверное, Юрий на карантине.

– Какая полезная информация, – ухмыльнулся мужчина. – Хватит шею выворачивать, как гусь весной. Ани здесь нет.

Лицо Йоста вновь залилось краской.

– А где она? – спросил он, пытаясь придать своему голосу значительности. – Ей положено быть здесь с наступлением темноты.

– Худе забрал ее час назад. То же самое произошло с Юрой.

– В смысле? Он же заболел.

– Худе пришел за Юрой, после чего тот вернулся больным. Спустя два дня он пропал. Теперь черед Ани.

«Пропал?»

– Может, что-то случилось? Кому-то срочно понадобилась помощь целителя...

– Сперва Юра, теперь Аня. Я буду следующим, и никто ничего не заметит, кроме бедного офицера Йоста. А теперь уходи.

– Если советник Худе...

Ретвенко вскинул руку, и порыв ветра отшвырнул парня назад. Йосту пришлось схватиться за дверь, чтобы удержать равновесие.

– Я сказал – уходи! – шквальный нарисовал круг в воздухе, и двери захлопнулись. Еще секунда, и Йосту прищемило бы пальцы. Он так резво отскочил от входа, что рухнул спиной в кусты.

Затем как можно быстрее поднялся и начал смахивать грязь с одежды. От стыда все его внутренности скрутило узлом. После удара стеклянная дверь пошла трещинами. В ней он увидел ухмыляющееся лицо Ретвенко.

– Тебе придется за это заплатить! – крикнул Йост, тыча в треснувшее стекло. Ему самому был противен его жалкий тоненький голосок.

Шквальный взмахнул рукой, и дверные петли задрожали. Йост инстинктивно отпрянул.

– Иди работай, сторожевой щенок! – ответил Ретвенко.

– Вот и поговорили, – хихикнул Рутгер. Он стоял, прислонившись к садовой стене.

Как давно он там торчит?

– Тебе делать нечего, кроме как следить за мной? – сердито спросил Йост.

– Все стражники должны явиться в эллинг. Даже ты. Или ты слишком занят? Пытаешься завести новых друзей?

– Я просто попросил его запереть дверь.

Тот покачал головой.

– Ты должен приказывать, а не просить. Они – прислуга, а не почетные гости.

Йост пошел вслед за стражником, стгорая от гнева и унижения. Хуже всего то, что Рутгер прав. Ретвенко нельзя так с ним обращаться. Но что Йосту оставалось делать? Даже если бы у него хватило смелости вступить в схватку со шквальным, это было бы равносильно драке с дорогой вазой. Гриши не просто слуги, они – бесценное имущество господина Худе.

Что имел в виду Ретвенко, когда сказал, что Юрия и Аню забрали? Может, он ее прикрывал? Гришей не зря держали в доме взаперти. Гуляя по улице без охраны, они

рисковали угодить в лапы работорговцев и пропасть навсегда.

«*Может, она с кем-то встречается*», – предположил огорченный Йост.

Его размышления прервали вспышка света и шум из эллинга, который выходил на канал. Напротив стояли красивые дома других торговцев, высокие и изящные. Аккуратные фронтоны их крыш выделялись темными силуэтами на фоне ночного неба, сады и эллинги были освещены яркими фонарями.

Пару недель назад Йосту сообщили, что в эллинге Худе проводятся строительные работы, и он должен исключить его из своего маршрута. Но когда они с Рутгером вошли внутрь, то не увидели ни ведер с краской, ни лесов. Гондолы и весла убрали к стенам. Все личные стражники в ливреях цвета морской волны уже прибыли, и, кроме того, Йост узнал двух дозорных в фиолетовом. Большую часть помещения занимал огромный куб – просторная камера, выглядевшая так, будто ее сделали из армированной стали: крепкое строение, с кучей заклепок по швам и широким окном, сделанным в одной из стен. Сквозь выпуклое стекло Йост увидел девушку, сидящую за столом – она комкала подол своего платья из красного шёлка. За ее спиной стоял стражник.

«*Аня!*» – парень ее сразу узнал.

Карие глаза Ани были широко раскрыты от страха, лицо побледнело. Маленький мальчик, сидевший напротив нее, выглядел еще более испуганным. Волосы взъерошены, будто он только что проснулся, тоненькие ножки свисают со стула, нервно качаясь в воздухе.

– Зачем собрали всех стражников? – спросил Йост.

В эллинге их было больше десяти. Также присутствовали советник Худе и какой-то незнакомый купец, оба в черном. Йост увидел, что они разговаривают с его капитаном, и выпрямился, надеясь, что стряхнул с формы всю грязь из сада.

– Что происходит?

Рутгер пожал плечами.

– Не все ли равно? Хоть какое-то разнообразие.

Йост снова заглянул в окно. Аня смотрела прямо на него невидящим взглядом. В его первый рабочий день девушка залечила ему синяк на скуле. Ничего серьезного – просто желто-зеленый след от удара, который Йост получил во время тренировки, – но, видимо, Худе это заметил, и ему не понравилось, что его охранник выглядит как бандит. Йоста послали в мастерскую гришей, где Аня усадила парня в яркий квадрат зимнего солнечного света. Затем пробежалась холодными пальчиками по коже, и, хотя скула нестерпимо зудела, секундой позже синяка как не бывало.

В ответ на его благодарность Аня улыбнулась, и песенка Йоста была спета. Он знал, что дело безнадежное. Даже если бы она им заинтересовалась, он никогда не смог бы выкупить ее у Худе, а выходить замуж без разрешения хозяина девушка не имела права. Но это не мешало Йосту время от времени заглядывать к ней и приносить небольшие подарки. Больше всего Ане понравилась карта Керчии – причудливое изображение их островного государства, окруженного русалками, которые плавали в Истиноморе, и кораблями, обдуваемыми ветрами в виде толстощеких человечков. Это был дешевый сувенир, такие продают туристам в Восточном Обруче, но Аню он порадовал.

Йост рискнул помахать ей рукой. Девушка никак не отреагировала.

– Она тебя не видит, идиот, – рассмеялся Рутгер, – это зеркальное стекло.

Щеки Йоста порозовели.

– Откуда ж мне было знать?

– А ты разуй глаза!

«Сперва Юра, теперь Аня».

– Зачем им целительница? Мальчик ранен?

– Вроде с ним все в порядке.

Капитан и Худе, видимо, пришли к какому-то соглашению.

Йост увидел, как последний зашел в камеру и ободряюще похлопал мальчика по спине.

Должно быть, в металле были отверстия, так как до него донесся голос купца:

– Будь смелее, парень, если выдержишь испытание, то получишь пару круге, – затем он взял Аню за подбородок своей рукой в старческих пятнах. Она напряглась, и у Йоста все сжалось внутри. Худе легонько встряхнул ее голову. – Делай, что велят, и все это скоро закончится, *ja*□?

Ей удалось выдавить слабую улыбку.

– Конечно, мой господин.

Он обменялся парой слов со стражником и вышел из камеры. Дверь громко лязгнула, проскрипел тяжелый засов.

Худе и другой купец встали прямо перед Йостом и Рутгером.

Незнакомый Йосту торговец спросил:

– Вы уверены, что поступаете разумно? Эта девушка – корпориралка. После того что случилось с вашим фабрикатом...

– Я бы волновался, будь это Ретвенко. Но у Ани мягкий характер. Она – целительница и не склонна к агрессии.

– Вы уменьшили дозу?

– Да, но мы же договорились: если результаты будут такими же, как с фабрикатом, Совет все мне компенсирует. Я не могу позволить себе такие расходы.

Торговец кивнул, и Худе дал сигнал капитану:

– Начинайте.

«Такие же результаты, как с фабрикатом...»

Ретвенко заявил, что Юрий пропал. Что он имел в виду?

– Сержант, – обратился капитан, – вы готовы?

– Да, сэр, – ответил тот из камеры и достал нож.

Йост с трудом сглотнул.

– Первое испытание, – сказал капитан.

Стражник наклонился и велел мальчику закатать рукав. Тот послушался и вытянул руку, а большой палец второй руки засунул в рот.

«В его возрасте палец обычно уже не сосут, – подумал Йост. – Наверное, мальцу очень страшно».

Сам он спал с плюшевым медведем до четырнадцати лет, из-за чего старший брат нещадно над ним издевался.

– Будет немного больно, – предупредил стражник.

Мальчик не вытащил палец изо рта, но кивнул.

– Это совершенно необязательно... – начала Аня.

– Тишина, пожалуйста! – крикнул Худе.

Сержант похлопал мальчишку по руке, а затем провел по ней ножом. Появился алый порез. Мальчик сразу же заплакал.

Аня попыталась встать со стула, но стражник жестко придержал ее за плечо.

– Все нормально, сержант, – сказал Худе. – Пусть исцелит его.

Девушка склонилась над ребенком и осторожно взяла его за руку.

– Тише-тише, – ласково прошептала она. – Давай я тебе помогу.

– А больно будет? – сглотнул он.

Целительница улыбнулась.

– Вовсе нет. Только рука слегка зачесется. Попытаешься не шевелиться?

Йост невольно подался вперед. Он никогда еще не *видел*, как Аня исцеляет других.

Она достала платок из рукава и вытерла капли крови. Затем аккуратно провела пальцами по ране. Вытянув шею, парень в изумлении наблюдал, как кожа медленно соединяется и рана заживает.

Через пару минут мальчик улыбнулся и приподнял руку. Она была немного красноватой, но целой и невредимой.

– Это что, волшебство?

Аня легонько щелкнула его по носу.

– Можно и так сказать. Ту же магию использует твое тело, если дать ему время и немного бинта.

Мальчик выглядел чуть ли не разочарованным.

– Отлично, отлично, – нетерпеливо вставил Худе. – Теперь *парем*.

Йост нахмурился. Он никогда прежде не слышал этого слова.

Капитан махнул сержанту:

– Переходим ко второму испытанию.

– Вытяни руку, – снова сказал тот мальчику.

Ребенок покачал головой:

– Я не хочу.

– Делай что говорят!

Его нижняя губа задрожала, но он послушался. Стражник снова сделал порез. Затем положил на стол перед Аней небольшой конверт из вощенной бумаги.

– Проглоти его содержимое, – велел Худе.

– Что это? – спросила она дрожащим голосом.

– Тебя это не касается.

– Что это?!

– Это не смертельно. Мы попросим тебя выполнить простые задачи: нам нужно оценить эффективность препарата. Сержант проследит, чтобы ты делала только то, о чем тебя просят, и не более. Все ясно?

Стиснув зубы, она кивнула.

– Тебе не причинят вреда, – добавил Худе. – Но запомни: если ты нападешь на стражника, то не выйдешь из этой камеры. Двери заперты с другой стороны.

– Что это за штука? – прошептал Йост.

– Не знаю, – ответил Рутгер.

– Да что ты вообще знаешь?

– Достаточно, чтобы держать рот на замке.

Йост помрачнел.

Аня дрожащими руками взяла конверт и открыла его.

– Продолжай, – настаивал Худе.

Она откинула голову и проглотила порошок. Пару секунд девушка просто сидела и

ждала, крепко сжав губы. Затем спросила с надеждой:

– Это обычная юрда?

Йост и сам на это надеялся. Юрды нечего бояться – это просто стимулятор, который принимали все ночные дозорные, чтобы не уснуть на посту.

– Какой он на вкус? – спросил купец.

– Как юрда, только слаще, он...

Аня резко втянула воздух. Её руки вцепились в край стола, зрачки расширились до такой степени, что глаза показались чёрными. – О-о-ох, – выдохнула она. Прозвучало это почти как урчание.

Стражник еще крепче схватил ее за плечи.

– Как ты себя чувствуешь?

Она уставилась в зеркало и улыбнулась. Затем слегка высунула язык, окрасившийся в ржавый цвет, и прикусила его зубами. У Йоста кровь застыла в жилах.

– Точно как с фабрикатом, – пробормотал торговец.

– Исцели мальчика, – скомандовал Худе.

Она снисходительно махнула рукой, и порез на руке мальчика мгновенно зажил. Красные капельки крови поднялись в воздух и испарились. Кожа стала абсолютно гладкой, даже без покраснений. Ребенок просиял.

– Это точно было волшебство!

– Это и *чувствуется* как волшебство, – сказала Аня все с той же пугающей улыбкой на лице.

– Она даже не прикоснулась к нему! – удивился капитан.

– Аня, – позвал Худе. – Слушай меня внимательно. Сейчас мы прикажем стражнику перейти к следующему этапу.

– М-м-м, – промурлыкала она.

– Сержант, отрежьте мальчику палец.

Мальчишка взвыл и снова заплакал. Он сунул ладони себе под тощие ляжки в попытке защитить их.

«Я должен остановить это, – подумал Йост, – должен защитить их!»

Но как? Он никто, всего лишь дозорный, новый в этом доме.

«Кроме того, я хочу сохранить работу», – он покраснел от стыда при этой мысли.

Аня всего лишь улыбнулась и подняла голову, чтобы взглянуть на стражника.

– Выстрели в стекло.

– Что она сказала? – спросил торговец.

– Сержант! – рявкнул капитан.

– Выстрели в стекло, – повторила Аня.

Лицевые мышцы сержанта расслабились. Он склонил голову вбок, будто прислушивался к тихой мелодии, затем снял с плеча винтовку и прицелился в смотровое окошко.

– Ложись! – крикнул кто-то в толпе.

Йост рухнул на пол, прикрыв голову. В ушах звучал непрерывный грохот ружейной пальбы, на руки и спину сыпались осколки стекла. Все мысли смешались. Он не мог поверить в то, что видел собственными глазами. Аня приказала сержанту разбить стекло. Она *заставила* его это сделать. Но это невозможно! Гриши-корпоралы специализировались на людских организмах. Они умели останавливать сердце, замедлять дыхание, ломать кости. Но чего они точно не умели, так это влезать кому-то в голову.

На пару секунд воцарилась тишина. Затем все стражники поднялись на ноги и схватились за винтовки. Худе с капитаном одновременно закричали:

– Взять ее!

– Пристрелить ее!

– Да ты хоть знаешь, сколько она стоит? – возмутился Худе. – Кто-нибудь, усмирите ее!

Не стрелять!

Аня подняла руки, взмахнув широкими красными рукавами платья.

– Подождите!

Паника, охватившая Йоста, исчезла. Он знал, что напуган, но чувство страха скрылось где-то на задворках разума. Его наполнило ожидание. Он не знал, что именно и когда это произойдет, но что-то грядет, и он должен подготовиться. Может, это будет что-то плохое, а может, и хорошее. На самом деле, ему плевать. Его сердце освободилось от беспокойства и желаний. Он ничего не хотел, ни о чем не тревожился, его внутренний голос молчал, дыхание успокоилось. Ему нужно только одно – ждать.

Он увидел, как Аня встала и взяла мальчика на руки. Услышал, как она ласково напевает ему какую-то равкианскую колыбельную.

– Худе, открой дверь и зайди сюда, – сказала она. Йост слышал и понимал ее слова, но тут же их забывал.

Мужчина подошёл к двери, отодвинул засов и вошел в стальную камеру.

– Делай, что велят, и все это скоро закончится, *ja?* – пробормотала Аня с улыбкой на лице. Её глаза были черными и бездонными, как омут. Кожа девушки светилась и мерцала. У Йоста промелькнула только одна мысль: «*Красивая, как луна*».

Аня взяла мальчика поудобнее и прошептала ему на ухо:

– Отвернись, – а затем обратилась к Худе: – Возьми нож.

2. Инеж

Казу Бреккеру даже повод не нужен – так поговаривали на улицах Кеттердама, в тавернах, кофейнях и темных переулках квартала красных фонарей, также известного как Бочка. Парню, которого все звали «Грязные Руки», не требовались никакие резоны и уж тем более чье-то дозволение, чтобы нарушить договоренность, сломать кому-нибудь ногу или изменить судьбу человека одним движением кисти.

Конечно, они ошибались, думала Инеж, пока шла по мосту над черными водами Бёрсканала, направляясь к безлюдной главной площади у Биржи. Каждый акт насилия был неслучайным, каждый поворот судьбы происходил по воле невидимого кукольника, намеренно дергающего за ниточки. У Каза *всегда* имелись причины. Просто иногда Инеж сомневалась в их разумности. Особенно сегодня.

Девушка пересчитала ножи, мысленно называя их по именам, как неизменно поступала, если ждала неприятностей. Это была не просто полезная привычка, но и приятный ритуал. Клинки – ее верные союзники. Она знала, что они готовы ко всему, что принесет с собой ночь.

Инеж видела, как Каз и другие подтягиваются к большой каменной арке у восточного входа в здание Биржи. На стене над ними было высечено три слова: *Enjent, Voorhent, Almhent*. Трудлюбие, Честность, Процветание.

Она старалась держаться поближе к забранным железными решетками витринам магазинов вдоль площади, избегая островков мигающего света, отбрасываемого фонарями. Приближаясь к месту встречи, девушка бросила изучающий взгляд на команду, которую собрал Каз. Здесь были Дирикс, Ротти, Маззен, Кейг, Аника, Пим, а также его личные секунданты на сегодняшних переговорах – Джеспер и Большой Боллигер. Они дурачились, пихали друг друга, смеялись и притоптывали на месте, чтобы согреться. На этой неделе в городе внезапно похолодало – последнее дыхание зимы перед наступлением теплого сезона. Все ребята были отпетыми хулиганами и дебоширами, отобранными из самых юных членов банды «Отбросы», – людьми, которым Каз доверял больше всего. Инеж примечала блеск ножей, засунутых за пояс, свинцовые трубы, тяжелые цепи, дубинки, утыканные ржавыми гвоздями. То тут, то там мелькали маслянистые дула пистолетов. Она бесшумно прокралась в их ряды, высматривая, не прячутся ли в тени у Биржи шпионы «Чёрных Пик».

– Три корабля, представляете, – воскликнул Джеспер. – От шуханцев! Они просто пришвартовались в Первой гавани: пушки выставлены, красные флаги развеваются на ветру, трюмы под завязку набиты золотом!

Большой Боллигер присвистнул.

– Хотел бы я на это посмотреть!

– Хотел бы я это украсть, – ехидно ответил Джеспер. – К ним спустилась половина Торгового совета: бегали и кудахтали как идиоты, пытаюсь решить, что им делать.

– Разве им не выгодно, чтобы шуханцы вернули долг? – спросил Большой Боллигер.

Каз покачал головой, и его темные волосы блеснули в свете фонарей. Он весь состоял из ломаных линий и отточенных краев – острый подбородок, сухопарая фигура в плотно облегающем плечи шерстяном пальто.

– И да, и нет, – сказал он хрипловатым голосом. – Никогда не помешает иметь какую-то страну в должниках. Способствует дружественным переговорам.

– Наверное, дружелюбие шуханцев иссякло, – вставил Джеспер. – Необязательно же было присылать все сокровища разом. Думаешь, это они убили того посла?

Взгляд Каза безошибочно нашел в толпе Инеж. Кеттердам уже много недель судачил об убийстве посла. Это неприятное событие едва не рассорило Керчию и Новый Зем и вызвало суматоху в Торговом совете. Земенцы винили Керчию. Керчия подозревала шуханцев. Казу было плевать, кто за это в ответе; его восхищало само убийство, поскольку он не мог понять, как они все провернули. Это произошло в одном из самых оживленных коридоров Ратуши, где в тот момент находилась дюжина чиновников. Посол земенцев зашел в уборную. Больше туда никто не входил – и никто не выходил. Через несколько минут помощник посла постучал в дверь, но ему не ответили. Вломившись внутрь, вызванные на подмогу люди обнаружили посла лежащим на белых плитах лицом вниз с ножом в спине. Из открытого крана бежала вода.

Через пару часов Каз послал Инеж на разведку. Других выходов в уборной не было, как и окон или вентиляционных отверстий. И даже Инеж, при всех ее талантах, не удалось пролезть в водопроводную трубу. Тем не менее посол был мертв. Каз ненавидел головоломки, которые он не мог решить; они с Инеж придумали сотню версий, объясняющих, как произошло это убийство, но ни одна не выглядела правдоподобной. Как бы там ни было, сегодня им нужно разобраться с более насущными проблемами.

Каз дал знак Джесперу и Большому Боллигеру избавиться от оружия. Уличные законы гласили, что каждый лейтенант должен явиться на переговоры с двумя безоружными

пехотинцами. *Переговоры*. Это слово – слишком древнее и чопорное – отдавало каким-то жульничеством. Законы законами, но сегодня ночью в воздухе пахло насилием.

– Давай сюда пистолеты, – сказал Дирикс Джесперу.

Тот тяжело вздохнул и снял ремни с кобурами. Надо признать, без них он перестал походить на самого себя. Земенский стрелок был долговязым, темнокожим парнем, который не мог и секунды постоять на месте. Он прижался губами к перламутровым рукояткам своих драгоценных револьверов и даровал каждой скорбный поцелуй.

– Позаботься о моих малышках, – Джеспер передал их Дириксу. – Если я обнаружу на них хоть одну царапину, то сделаю надпись «*прости меня*» из пулевых отверстий на твоей груди.

– Ты бы не стал тратить на меня патроны.

– И он бы умер на половине слова, – вставил Большой Боллигер, отдавая свой топор, складной нож и любимое оружие – толстую цепь, утяжеленную амбарным замком, – в жадные ручки Ротти.

Джеспер закатил глаза.

– Суть в том, чтобы оставить сообщение. Какой смысл в мертвом парне с надписью «*про*» на груди?

– Ищи компромисс, – отозвался Каз. – В «*мне жаль*» меньше букв, а смысл тот же.

Дирикс рассмеялся, но Инеж заметила, с какой осторожностью он держал револьверы.

– Что насчет этого? – Джеспер кивнул на трость Каза.

Тот невесело усмехнулся.

– Кто посмеет забрать трость у несчастного калеки?

– Любой здравомыслящий человек, если под «калекой» ты подразумеваешь себя.

– В таком случае хорошо, что мы встречаемся с Хейлсом. – Каз достал часы из кармана жилетки. – Уже почти полночь.

Инеж повернулась к Бирже. Сейчас это просто большой прямоугольный двор, окруженный складами и конторами. Но днем это место было сердцем Кеттердама, суматошным и бурлящим, где богатые купцы покупали и продавали свои акции торговцам, приплывшим на кораблях в городские порты. Скоро пробьет двенадцать. Биржа практически опустела, если не считать стражников, патрулирующих периметр и крышу. Им дали взятку, чтобы они смотрели в другую сторону во время переговоров.

Биржа была одной из немногих частей города, которую враждующие банды еще не успели поделить между собой в бесконечных стычках. Поэтому она стала нейтральной территорией. Разумеется, только на словах. Здесь царила та же пугающая тишина, что и в лесу перед тем, как силки затянутся и кролик издаст последний писк. Инеж чувствовала себя в ловушке.

– Мы совершаем ошибку.

Большой Боллигер вздрогнул – до этого он не замечал присутствия девушки. Инеж знала, как Отбросы называли её между собой – «Призрак».

– Хейлс определенно что-то задумал.

– Естественно, – согласился Каз. Его голос походил на грубый скрежет камня об камень. Инеж всегда было любопытно, как звучал голос Каза, когда тот был еще мальчишкой. Если он вообще им когда-то был.

– Тогда зачем мы сюда пришли, да еще ночью?

– Потому что этого хочет Пер Хаскель.

«Старый человек, старая школа», – подумала Инеж, но промолчала. Она подозревала, что другие Отбросы были с ней солидарны.

– Из-за него нас всех убьют.

Джеспер потянулся, сложив свои длинные руки над головой и оскалившись. Его белоснежные зубы сверкнули на фоне темной кожи. Парень все еще не расстался со своей последней винтовкой, и ее силуэт за спиной придавал ему вид неуклюжей птицы с длинными конечностями.

– Если верить статистике, из-за него умрут лишь *некоторые* из нас.

– Это не повод для шуток! – ответила она.

В глазах Каза читалась насмешка. Инеж знала, что сейчас похожа на сердитую, нервную старую каргу, мрачно голосающую со своего крыльца. Ей это самой претило, но все же она была права. Кроме того, старухи явно не лишены мудрости, раз дожили до седых волос.

– Джеспер не шутит, Инеж, – ответил Каз. – Он просчитал наши шансы.

Большой Боллигер хрустнул костяшками пальцев.

– Меня ждет пиво и яичница в «Купероме» – я не могу сегодня умереть.

– Заключим пари? – спросил Джеспер.

– Я не собираюсь ставить на собственную смерть.

Каз надел шляпу и коротким жестом провел по полям рукой в перчатке.

– Почему? Мы делаем это каждый день.

Он был прав. Инеж – должница Пера Хаскеля, а это значит, что она рискует жизнью всякий раз, когда берется за новую работу или выполняет очередное задание, всякий раз, когда покидает свою комнату в Клепке. Сегодняшняя ночь ничем не отличалась от других.

Каз стукнул тростью по брусчатке, и в ту же секунду забили колокола церкви Биржи. Все замолчали. Для болтовни больше не осталось времени.

– Хейлс не отличается сообразительностью, но достаточно смышлен, чтобы создать проблемы. Что бы вы ни услышали, не смейте лезть в драку, пока я не дам команду. Будьте внимательны, – затем он коротко кивнул Инеж. – И не высовывайтесь.

– Ни траура, – сказал Джеспер, передавая винтовку Ротти.

– Ни похорон, – дружно пробормотали в ответ Отбросы. Так они желали друг другу удачи.

Прежде чем Инеж успела раствориться в тени, Каз постучал по ее руке тростью с головой ворона.

– Присматривай за стражниками на крыше. Возможно, они подкуплены Хейлсом.

– Тогда... – начала было она, но Бреккер уже ушел.

Девушка раздраженно взмахнула рукой. У нее накопилась сотня вопросов, но Каз, как обычно, держал все ответы при себе.

Затем она поспешила к стене Биржи, выходящей на канал. На переговоры разрешалось приходить лишь лейтенантам и их помощникам. Но если Черные Пики решат играть не по правилам, Отбросов будут ждать прямо за восточной аркой с оружием наготове. Им также было известно, что вооруженные люди Хейлса соберутся у западного входа.

Инеж найдёт другой путь, чтобы пробраться внутрь. Правила честной игры среди бандитов канули в Лету вместе с молодостью Пера Хаскеля. Кроме того, она – Призрак. Единственный закон, которому она подчиняется, – это закон всемирного тяготения, да и то не всегда.

Нижний этаж Биржи занимали склады без окон, потому Инеж решила воспользоваться

водосточной трубой, чтобы забраться наверх. Что-то заставило ее замешкать, прежде чем схватиться за нее. Девушка достала фонарик из кармана и встряхнула его, посветив вокруг зеленоватым сиянием. Труба оказалась скользкой от масла. Инеж пошла вдоль стены и обнаружила каменный карниз со статуей трех летучих рыбок Керчии. Затем встала на цыпочки и осторожно пощупала карниз. Битое стекло.

«*А мне здесь рады*», – подумала она с мрачным удовольствием.

Девушка присоединилась к Отбросам чуть меньше двух лет назад, сразу после своего пятнадцатого дня рождения. Это был вопрос выживания, но ей льстило, что за столь короткое время она стала той, против кого нужны меры предосторожности. Однако если Черные Пики думали, что эти маленькие хитрости удержит Призрака, то они сильно ошибались.

Она достала два альпинистских крючка из карманов стеганого жилета и воткнула их между кирпичами. Девушка поднималась все выше и выше, нащупывая ногами даже малейший выступ в стене. Когда Инеж была маленькой и училась ходить по канату, она делала это босиком, но на улицах Кеттердама слишком сыро и холодно для босых ног. После нескольких неудачных падений она заплатила гришу-фабрикатору, тайно работающему в пивнушке на улице Вайншпрат, чтобы тот сшил ей пару кожаных тапочек с бугристой резиновой подошвой. Они идеально сидели на ноге и помогали справиться с любой поверхностью.

Добравшись до второго этажа, она залезла на подоконник, ширины которого хватило, чтобы сесть.

Каз обучил ее всему, чему мог, но ей все равно не хватало его мастерства опытного взломщика: пришлось предпринять несколько попыток, прежде чем удалось открыть замок. Наконец раздался приятный щелчок, и окно распахнулось. Инеж увидела пустой кабинет, стены, увешанные картами с торговыми путями и досками, на которых были записаны цены на акции и названия кораблей. Девушка скользнула внутрь, закрыла окно и прошла мимо столов с аккуратными стопками распоряжений и счетов.

Затем подкралась к узким дверям на балкон, выходящий на центральный двор Биржи. Такие балконы были у каждой конторы. Оттуда объявляли об отправлении или прибытии торговых судов и новых товаров или же вешали черный флаг, оповещающий о потере в море корабля, утонувшего вместе со всем своим грузом. Днем Биржа была охвачена ураганом торговых сделок; отсюда, с этого двора, гонцы распространяли новости по всему городу, здесь оглашали цены на товары и акции отправляющихся в рейс судов, которые беспрестанно то поднимались, то опускались. Но сейчас здесь царила тишина.

С гавани подул ветер, принесший с собой запах моря и взъерошивший пряди волос Инеж, выбившиеся из собранной в пучок на затылке косы. Взглянув на площадь, она увидела покачивающийся фонарик и услышала тихий стук трости Каза, а также шаги двух его помощников. С противоположной стороны тоже мелькнул свет фонарей – Чёрные Пики прибыли.

Инеж натянула капюшон. Потом перелезла через перила и беззвучно перепрыгнула с балкона на балкон, следя за Казом и остальными и стараясь подобраться к ним поближе. Темное пальто Каза хлопало на ветру; его хромота была сейчас особенно заметна, как всегда при холодной погоде. До нее донеслись звуки болтовни Джеспера и басовитый смехок Большого Боллигера.

Перебравшись на другую часть площади, Инеж увидела, что Хейлс, как и

предполагалось, пришел с Элзингером и Оменом. Девушка знала все слабые и сильные стороны каждого члена «Черных Пик», не говоря уже о Псах Харли, Обломщиках, Портовых Лезвиях, Грошовых Львах и других бандитах, разбойничающих на улицах Кеттердама. В ее обязанности входило знать, что Хейлс, к примеру, не доверял Элзингеру, потому что они оба пробивали себе теплые местечки в «Черных Пиках», и еще потому, что его телосложение походило на гору валунов – два с лишним метра роста, крепкие мускулы, широкое, сплющенное лицо и короткая кабанья шея.

Она вдруг обрадовалась, что с Казом был Большой Боллигер. То, что вторым помощником он выбрал Джеспера, никого не удивило. Подвижный и суетливый, парень даже без своих драгоценных револьверов мог надрать зад любому; она знала, что он пойдет на все ради Каза. А вот по поводу Большого Боллигера у нее поначалу возникли сомнения. Он работал вышибалой в «Клубе Воронов» и идеально подходил для того, чтобы выпроваживать пьяниц и дебоширов, но когда дело доходило до настоящей потасовки, от его габаритов было мало проку. И все же, по крайней мере, он был достаточно высоким, чтобы заглянуть в глаза Элзингеру.

Думать о втором помощнике Хейлса Инеж и вовсе не хотелось. Омен заставлял ее нервничать. Он не внушал страх своими физическими данными, как Элзингер. Вообще-то он больше походил на безобидное пугало – не то чтобы совсем тщедушный, но его скрытое под одеждой тело, казалось, сложено под неправильным углом. Однако ему это не мешало: ходили слухи, что как-то раз он проломил человеку череп голыми руками, а после вытер их о рубашку убитого и вернулся к выпивке.

Инеж попыталась унять беспокойство и прислушалась к беседе Каза и Хейлса. В это время их помощники обыскивали друг друга, проверяя, не пронес ли кто оружие.

– Ишь, проказник! – сказал Джеспер, достав крошечный нож из рукава Элзингера и откидывая его в сторону.

– Чисто, – объявил Большой Боллигер, закончив обыск Хейлса и приступая к Омену.

Каз и Хейлс беседовали то о погоде, то о том, что с повышением цен за аренду в «Купероме» начали разбавлять алкоголь водой – в общем, о чем угодно, кроме истинной причины встречи. В теории они должны поболтать, извиниться, согласиться, что следует придерживаться границ Пятой гавани, и пойти куда-нибудь выпить. По крайней мере, на этом настаивал Пер Хаскель.

«Но что он знает о подобных переговорах?» – подумала Инеж, выискивая темные силуэты стражников, патрулирующих крышу.

Хаскель был главой «Отбросов», хотя в последние годы предпочитал отсиживаться в теплом кабинете, пить пиво, делать макеты кораблей и рассказывать о своих подвигах любому, кто станет слушать. Он наивно полагал, что споры за территорию можно разрешить тем же способом, что и раньше: короткой потасовкой и дружеским рукопожатием. Но шестое чувство Инеж подсказывало, что это не работает. Ее отец сказал бы, что сегодня даже тени не станут лезть в чужие дела. Здесь произойдет что-то ужасное.

Каз уперся ладонями в набалдашник трости в виде вороньей головы. Он выглядел совершенно спокойным; его узкое лицо было скрыто полями шляпы. Большинство членов банды любили кричащие наряды и украшения: безвкусные жилеты, часы с фальшивыми драгоценными камнями, штаны с пестрыми узорами и рисунками. Каз был редким исключением – образцом сдержанности. Его темный жилет и брюки отличались простым кроем и строгим, деловым стилем. Поначалу ей казалось, что это дело вкуса, но вскоре Инеж

поняла, что так он насмеялся над богатыми торговцами. Ему нравилось выглядеть как они.

– Я – бизнесмен, – заявил он ей однажды. – Ни больше ни меньше.

– Ты вор, Каз.

– Разве я сказал не то же самое?

Сейчас, в этой позе, он походил на священника, собравшегося проповедовать группе цирковых артистов. «*Очень юного священника*», – подумала Инеж с вновь накатившим волнением. Каз называл Хейлса стариком, которому давно пора на покой, однако лейтенант «Черных Пик» не выглядел старым. Может, у него и были морщинки в уголках глаз, а кожа под бакенбардами обвисла, но он производил впечатление опытного и уверенного мужчины. На его фоне Каз смотрелся... ну, семнадцатилетним.

– Давайте начистоту, *ja*? Мы всего лишь хотим получить свою долю, – сказал Хейлс, постукивая по зеркальным пуговицам своего зеленого жилета. – Это несправедливо, что ты забираешь себе всех денежных туристов с прогулочных катеров, заплывающих в Пятую гавань.

– Пятая гавань наша, Хейлс. Право обобрать этих простофиль, приехавших немного поразвлечься, принадлежит Отбросам.

Тот покачал головой.

– Ты молод, Бреккер, – снисходительно улыбнулся он. – Тебе, видимо, невдомек, как здесь все устроено. Гавани принадлежат городу, и мы имеем на них столько же прав, сколько и все остальные. Всем нам нужно как-то зарабатывать на жизнь.

Строго говоря, он был прав. Но Пятая гавань считалась бесполезной и заброшенной до того, как за нее взялся Каз. Он углубил дно, построил причалы и набережную – чтобы осуществить все это, пришлось заложить «Клуб Воронов». Пер Хаскель был вне себя от ярости и назвал его дураком, но в конце концов сдался. Если верить Казу, точные слова старика были такими: «*Поди и удавись*». Старания парня, однако, оказались не напрасны: меньше чем за год Пятая гавань окупила все затраты. Сейчас туда заходят торговые корабли, а также катера с туристами и солдатами, желающими поглазеть на достопримечательности и вкусить все удовольствия Кеттердама. Отбросы обрабатывали каждого из прибывших, заводя их – и их кошельки – в бордели, таверны и игорные дома, принадлежащие банде. Пятая гавань обогатила Хаскеля и укрепила положение «Отбросов» среди банд Бочки, сделав их одними из главных игроков – такого успеха не имел даже «Клуб Воронов». Но с прибылью появилось и нежелательное внимание. Хейлс и Черные Пики весь год доставляли Отбросам неприятности, посягая на Пятую гавань и ошпыивая простаков, которые не принадлежали им по праву.

– Пятая гавань наша, – повторил Каз. – Это не обсуждается. Кроме того, вы влезаете в наш трафик, идущий из доков, и перехватили партию юрды, которая должна была прибыть два дня назад.

– Не понимаю, о чем ты.

– Я знаю, что у тебя это хорошо получается, но хватит косить под дурачка, Хейлс.

Тот выступил вперед. Джеспер и Большой Боллигер напряглись.

– Прекрати петушиться, мальчик. Мы оба знаем, что у твоего старика не хватит пороха на настоящие разборки.

Смех Каза был сухим, как шорох опавших листьев.

– Но с тобой разбираюсь я, и мы пришли сюда не шутки шутить. Хочешь войны, Хейлс? Я сделаю все, чтобы ты набил ею брюхо.

– А что, если тебя не станет, Бреккер? Все знают, что ты – позвоночник банды Хаскеля. Сломай его, и «Отбросы» самоустранятся.

Джеспер фыркнул.

– Брюхо, позвоночник... Что дальше, селезенка?

– Захлопнись, – рыкнул Омен. По правилам переговоров лишь лейтенанты имели право подавать голос. Джеспер прошептал извинения и искусно изобразил, как закрывает рот на замок.

– Кажется, ты мне угрожаешь, Хейлс, – сказал Каз. – Но я хочу убедиться в этом, прежде чем решу, что делать дальше.

– Ты настолько уверен в себе, Бреккер?

– В себе и ни в ком другом.

Хейлс расхохотался и пихнул Омена:

– Ты только послушай, что несет этот дерзкий, маленький кусок дерьма! Бреккер, ты не хозяин этих улиц. Такие детишки, как ты, просто блохи. Каждые пару лет появляются новые, они прыгают, кусают, раздражают всех ровно до того момента, пока большая собака не решит почесаться. Признаться, я устал от чесотки, – мужчина сложил руки на груди, от него так и веяло самодовольством. – Что, если я скажу тебе, что сейчас два городских стражника наводят на тебя и твоих мальчиков свои винтовки?

Сердце Инеж ухнуло вниз. Не это ли имел в виду Каз, когда сказал, что стражники под колпаком у Хейлса?

Парень посмотрел на крышу.

– Нанял их, чтобы они сделали за тебя грязную работу? Я бы сказал, что это недешевое удовольствие для такой банды, как «Черные Пики». Не уверен, что вашей казны на это хватит.

Инеж забралась на перила и полезла с безопасного балкона на крышу. Если они переживут эту ночь, она убьет Каза!

Крышу Биржи всегда патрулировали двое дозорных. Несколько круге от Отбросов и Черных Пик гарантировали, что они не будут вмешиваться в переговоры – стандартная сделка. Но Хейлс намекал отнюдь не на это. Неужели ему действительно удалось подкупить стражников, чтобы те поиграли за него в снайперов? Если это так, шансы Отбросов на спасение ничтожны.

Как и у большинства зданий в Кеттердаме, у Биржи была остроконечная крыша, которая не протекала во время сильного ливня, поэтому дозорные ходили по узкому проходу, огибающему крышу, – оттуда был виден внутренний двор. Инеж решила пренебречь им. Идти по проходу было бы легче, но так девушку могли заметить. Вместо этого она начала взбираться вверх по скользким черепицам. Ее тело изогнулось под опасным углом, она ползла, как паук, приглядывая за дозорными и прислушиваясь к разговору на площади. Может, Хейлс блефует? Или два стражника действительно скрываются за перилами и целятся в Каза, Джеспера и Большого Боллигера?

– Пришлось попотеть, – признался Хейлс. – Обороты у нас сейчас небольшие, а услуги городских стражников – недешевы. Но они того стоят.

– То есть стоят меня?

– Тебя-тебя.

– Я польщен.

– Отбросы не продержатся без тебя и недели.

– Я бы дал им месяц. Просто из щедрости.

Эта мысль давно крутилась в голове Инеж.

«Осталась бы я, если бы Каз умер, или плюнула на свой долг? Рискнула бы пойти против Пера Хаскеля?»

Если она не начнет двигаться быстрее, то вполне может узнать ответ.

– Самодовольный трущобный крысеныш, – засмеялся Хейлс. – Поскорее бы стереть это выражение с твоего лица!

– Так давай, вперед, – ответил Каз. Инеж рискнула посмотреть вниз. Его голос изменился, исчезли все нотки веселья.

– Что мне сделать, Бреккер? Приказать им прострелить тебе здоровую ногу?

«Где же стражники?» – гадала Инеж, набирая скорость. Она бежала по крутой вершине фронтона. Здание Биржи тянулось почти по всей длине квартала. Слишком большая территория, чтобы уследить за всем.

– Хватит *трепаться*, Хейлс. Пора стрелять.

– Каз... – нервно начал Джеспер.

– Ну же! Раз ты такой смелый, отдавай приказ!

Что за игру он вел? Может, Каз предвидел это? Или просто надеялся, что Инеж вовремя доберется до дозорных?

Она снова поглядела вниз. Хейлс был весь в предвкушении. Он сделал глубокий вдох, надувая свою грудь. Девушка оступилась и чуть не скатилась с края крыши.

«Он сделает это! На моих глазах убьют Каза».

– Огонь! – выкрикнул Хейлс.

Воздух задрожал от звука выстрела. Большой Боллигер издал слабый стон и рухнул на землю.

– Черт! – Джеспер опустился рядом с другом и прижал руку к месту, куда попала пуля. – Жалкий коротышка! – заорал он на Хейлса. – Ты только что нарушил правила нейтральной территории!

– А что мешает мне сказать, что вы стреляли первыми? – ответил тот. – Никто из вас не выйдет отсюда живым.

Хейлс говорил высоким голосом. Он пытался сохранить хладнокровие, но Инеж расслышала нотки паники. Его слова затрепетали будто крылья напуганной пташки. Почему? Минуту назад он выглядел уверенным, как никогда.

Тут она заметила, что Каз так и не сдвинулся с места.

– Плохо выглядишь, Хейлс.

– Я в полном порядке.

Ложь. Лицо бледное и встревоженное, глазки беспокойно бегают из стороны в сторону, будто ищут что-то на крыше.

– Точно? – участливо спросил Каз. – Все пошло не по плану, не так ли?

– Каз, – позвал Джеспер. – Боллигер истекает кровью...

– Ну и ладно, – ответил тот.

– Каз, ему нужен врач!

Парень мельком покосился на раненого.

– Что ему действительно нужно, так это прекратить ныть и радоваться, что я не приказал Холсту прострелить ему череп.

Даже сверху Инеж увидела, как передернулся Хейлс.

– Так зовут дозорного, не правда ли? – поинтересовался Каз. – Виллем Холст и Берт ван Даль – два стражника сегодняшней смены. Это их ты подкупил, опустошив казну «Черных Пик»?

Хейлс промолчал.

– Виллем Холст, – Каз говорил громко, чтобы его голос донесся до крыши, – питает ту же любовь к азартным играм, что и Джеспер, так что твои деньги ему пригодятся. Но у Холста возникли проблемы покрупней... назовем их внезапной необходимостью. Не буду вдаваться в подробности. Секреты не монеты – при передаче они теряют ценность. Просто поверь мне на слово, от такого даже у тебя волосы встали бы дыбом. Не так ли, Холст?

В ответ раздался еще один выстрел. Пуля врезалась в брусчатку у ног Хейлса. Тот заблеял и в шоке отскочил назад.

На сей раз Инеж удалось проследить, откуда стреляли: пуля прилетела с западной стены здания. Если там скрывался Холст, то второй стражник – Берт ван Даль – должен быть на восточной стороне. Получилось ли у Каза и его обезвредить? Или он рассчитывал на Инеж? Девушка побежала по крыше.

– Да пристрели его наконец, Холст! – взвыл Хейлс в отчаянии. – Стреляй в голову!

Каз фыркнул.

– Ты впрямь решил, что его секрет умрет со мной? Давай, Холст! – крикнул он. – Прострели мне череп! Мои люди добегут до твоей жены и капитана прежде, чем я коснусь земли.

Выстрела не последовало.

– Как?! – лейтенант «Черных Пик» был в ярости. – Как ты вообще узнал, кто будет в смене? Мне пришлось заплатить бешеную сумму, чтобы добраться до списка наряда. Ты не мог перебить мою взятку!

– Скажем так, моя валюта ценнее.

– Деньги есть деньги.

– Я торгую сведениями, Хейлс, – сведениями о том, чем занимаются люди, когда думают, что их никто не видит. Позор весомей любых денег.

Он нарочно рисуется, затягивает разговор, чтобы дать ей побольше времени, поняла Инеж, прыгая по шиферу.

– Волнуешься за второго дозорного? Старого доброго Берта ван Даля? – спросил Каз. – Может, прямо сейчас он гадает, что ему делать? Убить меня? Убить Холста? Или я смог добраться и до него, и он готовится пробить дырку в твоей груди? – парень наклонился, будто собираясь поделиться с Хейлсом страшным секретом. – Почему бы тебе не дать ему команду и выяснить это?

Хейлс открыл и закрыл рот, словно выброшенная на берег рыба, а затем крикнул:

– Ван Даль!

Еще секунда – и стражник бы отозвался, но Инеж успела скользнуть ему за спину и прижать нож к горлу. У нее едва хватило времени разглядеть его тень и съехать вниз по крыше. Святые угодники, до чего же Каз обожает испытывать судьбу!

– Тише, – прошептала она на ухо дозорному. Затем легонько кольнула его в бок, чтобы он почувствовал острие второго ножа, прижатого к почке.

– Прошу вас, – застонал он. – Я...

– Люблю, когда мужчины меня умоляют. Но сейчас неподходящее время.

Девушка увидела, как грудь перепуганного Хейлса начала вздыматься и опускаться от

участившегося дыхания.

– Ван Даль! – повторил он. Его лицо исказилось, когда он повернулся к Казу: – Ты всегда на шаг впереди, верно?

– Хейлс, я бы сказал, что с тобой у меня хороший разбег.

Тот просто улыбнулся – напряженной, но довольной улыбкой. «Улыбкой победителя», – со страхом осознала Инеж.

– Гонка еще не окончена. – Хейлс достал из-за пазухи жилета большой черный пистолет.

– Наконец-то, – сказал Каз. – Какое открытие! Теперь Джеспер может перестать кудахтать над Боллигером как наседка.

Джеспер уставился на пистолет, в его глазах читались изумление и гнев.

– Но Боллигер обыскивал его! Он... О, здоровяк Бол, какой же ты идиот! – застонал он.

Инеж не могла поверить собственным глазам. Дозорный тихо заскулил. Забывшись, разъяренная девушка случайно сдавила его ножами.

– Расслабься, – сказала она, ослабив хватку. Но, святые угодники, как бы ей хотелось сейчас кого-нибудь пырнуть! Обыскивая Хейлса, Большой Боллигер никак не мог не заметить пистолет.

Он их предал.

Вот почему Каз настоял, чтобы взять его с собой – хотел получить публичное подтверждение, что Боллигер продался Черным Пикам? Это также объясняет, зачем Каз велел Холсту подстрелить его. И что теперь? Да, все поняли, Боллигер предатель. Но на Каза все так же смотрело дуло пистолета.

Хейлс усмехнулся.

– Каз Бреккер, великий мастер находить выходы. Как планируешь выбраться из этой передраги?

– Так же, как и попал в нее, – парень, игнорируя направленное на него оружие, повернулся к здоровяку, лежащему на земле. – Знаешь, в чем твоя проблема, Боллигер? – сказал Каз и ткнул в рану предателя кончиком трости. – Это не риторический вопрос. Знаешь, в чем твоя самая большая проблема?

– Не-е-ет... – захныкал тот.

– Угадай, – прошипел Каз.

Боллигер лишь издал очередной жалкий всхлип.

– Ну ладно, я скажу тебе. Ты ленивый. Я это знаю. Все это знают. Потому я не мог не заинтересоваться, почему мой самый ленивый вышибала вдруг завел привычку рано вставать дважды в неделю ради завтрака в «Силла Фрай», а ведь это две лишние мили шагать. Странная перемена, особенно если учесть, что яичница в «Купероме» куда вкуснее. Большой Боллигер неожиданно стал жаворонком, а Черные Пики начали околачиваться у Пятой гавани и перехватили самую большую партию юрды. Нетрудно уловить связь, – он вздохнул и обратился к Хейлсу. – Вот что случается, когда за дело берутся глупцы, *ja*?

– Сейчас это не имеет значения, тебе так не кажется? – ответил лейтенант «Черных Пик». – Еще один шаг, и я пристрелю тебя на месте. Может, твои стражники и убьют нас, но не раньше, чем я спущу курок.

Каз встал прямо у дула, прижавшись к нему грудью.

– Этого не будет.

– Думаешь, я не выстрелю?

– О нет, конечно, ты бы с радостью это сделал, и твое черное сердце запело бы от

счастья. Но ты не станешь. Не сегодня.

Хейлс взвел курок.

– Каз, – протянул Джеспер. – Что-то мне не нравится вся эта игра в «стреляй в меня».

На сей раз Омен не стал делать ему замечание за лишнюю болтовню. Одного уже подстрелили. Правила нейтральной территории нарушены. В воздухе висел резкий запах пороха, а вместе с ним и немой вопрос, словно сам Жнец дожидался ответа: как много крови прольется сегодня?

Вдалеке завывала сирена.

– Улица Берштрат 19, – произнес Каз.

До этого момента Хейлс переминался с ноги на ногу, но теперь замер.

– Это адрес твоей девушки, не так ли?

Мужчина сглотнул.

– У меня нет девушки.

– О, еще как есть, – пропел Каз. – И она очень симпатичная. Слишком симпатичная для такого прохвоста. И довольно милая. Ты ее любишь, да? – Инеж даже с крыши увидела, как бледное, словно восковое лицо Хейлса заблестело от выступившего пота. – Ну, конечно. Обычно такие красотки не заглядываются на мерзавцев из Бочки, но она – другая. Она считает тебя очаровательным. По мне, так это признак слабоумия, но любовь зла. Наверное, она любит сидеть рядом, положив свою прелестную головку тебе на плечо? Слушать, как ты провел день?

Хейлс посмотрел на Каза так, будто впервые его увидел. Мальчишка, с которым он вел переговоры, был наглым, безрассудным, забавным, но ни в коем случае не опасным. Теперь на его месте стоял монстр с ледяным взглядом. Каз Бреккер исчез, ему на смену пришел Грязные Руки, чтобы закончить черное дело.

– Она живет на улице Берштрат 19, – продолжал парень вкрадчиво. – Третий этаж, с геранью на подоконнике. Прямо сейчас под ее дверью ждут двое Отбросов, и, если я не уйду отсюда живым и с чувством восторжествовавшей справедливости, они подожгут весь дом. Он загорится в одно мгновение, превращаясь в пепел с обеих сторон, а бедная Элиза окажется в ловушке. Ее белокурые волосы воспламятся первыми. Словно фитилек свечи.

– Ты блефуешь, – прошипел Хейлс, но его рука с пистолетом задрожала.

Каз задрал голову и тяжело вздохнул.

– Уже поздно. Ты слышал сирену. Я чувствую запах гавани, моря и соли, а еще... мне кажется, или это дым? – спросил он довольным голосом.

«Ради всех святых, Каз, – с ужасом подумала Инеж. – Что ты уже натворил?»

Палец Хейлса снова дрогнул на курке, и девушка напряглась.

– Знаю-знаю, Хейлс, – с напускным сочувствием проговорил Каз. – Столько планов, интриг, куча взяток – и все впустую. Вот о чем ты сейчас думаешь. Как тяжело будет возвращаться домой, зная, что ты проиграл. Как разозлится твой босс, когда ты придешь к нему с пустыми руками – и пустыми карманами. Как приятно было бы выстрелить мне в сердце. Сделай это. Нажми на курок. Можем умереть все вместе. Наши тела унесут на Баржу Жнеца и сожгут, как сжигают нищих и бездомных. Или ты можешь помахать ручкой гордости, отправиться на Берштрат, положить голову на колени своей девушке и заснуть, мечтая о возмездии. Решать тебе. Мы вернемся сегодня домой?

Хейлс заглянул прямо в глаза парня, и, что бы он там ни увидел, это заставило его сникнуть. Инеж неожиданно почувствовала к нему жалость. Он пришел сюда, лопаясь от

куража и бравады, героем Бочки. А уйдет очередной жертвой Каза Бреккера.

– Ты еще поплатишься за это.

– Несомненно, – кивнул Каз, – если справедливость существует. Но мы все знаем, что это маловероятно.

Хейлс опустил руку, пистолет безвольно повис у него в ладони.

Каз отступил назад и отряхнул рубашку там, куда впивалось дуло пистолета.

– Передай своему генералу, чтобы Черные Пики держались подальше от Пятой гавани. И что мы ждем, что он возместит причиненный ущерб за потерянную партию юрды, плюс пять процентов за пронос оружия на нейтральную территорию и ещё пять за то, что вы такие грандиозные болваны.

Вдруг он резко замахнулся тростью – та очертила дугу в воздухе. Хейлс вскрикнул, кости его запястья хрустнули. Пистолет с грохотом упал на брусчатку.

– Я же сдался! – кричал он, прижимая изувеченную руку к груди. – Я же сдался!

– Еще раз наставишь на меня дуло, и я сломаю тебе второе запястье. Придется нанимать помощника, чтобы сходить отлить. – Каз поправил свою шляпу набалдашником трости. – Ну или же милая Элиза окажет тебе услугу.

Затем он присел рядом с Боллигером, и тот всхлипнул.

– Посмотри на меня. Может, свершится чудо, и ты не помрешь здесь в луже собственной крови, тогда у тебя останется время до рассвета, чтобы свалить из Кеттердама. И если я услышу, что тебя видели недалеко от границ города – можешь не сомневаться, на следующий день твое тело обнаружат в бочке «Силлы Фрай», – он оглянулся на Хейлса. – Попытаешься ему помочь или позволишь сбежать с Черными Пиками – я приду и за тобой.

– Умоляю, Каз, – простонал Боллигер.

– У тебя был дом, но ты разрушил его сам, кирпичик за кирпичиком. Не жди от меня сочувствия, – он встал и посмотрел на карманные часы. – Не думал, что наши переговоры так затянутся! Мне лучше поторопиться, пока бедная Элиза не поджарилась на огоньке.

Хейлс покачал головой.

– С тобой что-то не так, Бреккер. Не знаю, что ты за человек, но в тебе есть что-то ненормальное.

Каз склонил голову на бок.

– Ты ведь из пригорода, Хейлс? Решил попытать счастья в столице? – он разгладил лацкан рукой в перчатке. – Поделюсь секретом: я один из тех подонков, каких производят только в Бочке.

Не обращая внимания на заряженный пистолет, валявшийся у ног Черных Пик, Каз повернулся к ним спиной и заковылял по мостовой к восточной арке. Джеспер присел рядом с Боллигером и нежно похлопал его по щеке.

– Идиот, – с грустью сказал он и последовал за Казом.

Инеж продолжала наблюдать с крыши. Она видела, как Омен поднимает и прячет в кобуру пистолет и как Черные Пики тихо перешептываются.

– Не уходите, – взмолился Боллигер. – Не бросайте меня! – он попытался схватить Хейлса за штанину.

Тот стряхнул его руку. Банда ушла, оставив Боллигера на мостовой – скрюченного и истекающего кровью.

Инеж забрала у Ван Даля винтовку и отпустила его.

– Иди домой.

Он испуганно оглянулся, а затем бросился бежать по проходу. Внизу Большой Боллигер начал медленно ползти к выходу. Возможно, ему и хватило глупости встать на пути у Каза Бреккера, но он смог выжить в Бочке, а для этого нужна сила духа. У него был шанс пережить эту ночь.

«Помоги ему», – отозвался голос внутри девушки.

Ещё несколько минут назад этот здоровяк был её братом по оружию. Ей казалось неправильным оставлять его одного. Она могла бы спуститься и предложить ему быстро покончить с мучениями, и подержать его за руку, пока он будет отходить в мир иной. Или же вызвать врача и спасти его.

Вместо этого Инеж прочитала молитву на языке своих святых и начала крутой спуск по наружной стене. Ей было жаль парня, которому придется или умереть в одиночестве, потому что некому утешить его в последние часы жизни, или выжить и провести остаток дней в изгнании. Но ее работа еще не закончена. У Призрака не было времени на предателей.

3. Каз

Из восточной арки Каз вышел под одобрительные крики Отбросов. Он видел, что Джеспер плелся следом за ним, впадая в уныние с каждым шагом.

Дирикс, Ротти и остальные окружили их, похлопывая по спине, выкрикивая победные кличи и поднимая над головой револьверы Джеспера. Команде удалось лишь мельком подсмотреть, как проходили разборки с Хейлсом, но зато они почти все слышали. Теперь они скандировали: «А Бершпрат загоре-елся! А у Отбросов нет воды-ы!».

– Не могу поверить, что он просто сбежал, поджав хвост! – насмехался Ротти. – У него же был в руке заряженный пистолет!

– Расскажи, какую грязь ты накопал на стражу? – умолял Дирикс.

– Наверняка что-то из ряда вон выходящее!

– Я слышал о парне в Слокене, которому нравилось обмазываться яблочным сиропом, а потом брать двух...

– Я не стану ничего рассказывать, – отрезал Каз. – Холст ещё может нам пригодиться в будущем.

Все пребывали в приподнятом настроении, хотя в их смешках чувствовалась нервозность – обычная реакция в таких случаях: они знали, что едва избежали провала. Некоторые из Отбросов были уверены, что предстоит драка, и у них до сих пор чесались руки. Но Каз догадывался, что дело не только в этом – от него не ускользнуло, что никто не упоминал имя Большого Боллигера. Предательство Бола потрясло всех – и сам факт разоблачения, и то, какое наказание уготовил ему Каз. Под их бравадой скрывался страх. «Вот и хорошо». Каз прекрасно понимал, что все Отбросы были убийцами, ворами и лжецами. Главное, чтобы у них не входило в привычку лгать ему.

Он отправил двоих из своей команды присмотреть за Боллигером и убедиться, что если он все же сможет встать на ноги, то покинет город этой же ночью. Остальные могут вернуться в Клёпку, а точнее в «Клуб Воронов», где будут запивать пережитое, устраивать беспорядки и распространять новости о сегодняшней стычке. Они разболтают, что видели, домыслят остальное, дополнят, приукрасят, и с каждым пересказом Грязные Руки будет становиться все более безумным и беспощадным. Они могут идти; однако у Каза ещё

остались незаконченные дела, и первым делом он посетит Пятую гавань.

Дорогу ему заступил Джеспер.

– Ты должен был рассказать мне о Большом Боллигере, – яростно зашептал он.

– Не указывай мне, что делать, Джес.

– Думаешь, я тоже нечист на руку?

– Если бы я так думал, ты бы уже корчился во дворе Биржи, как Боллигер, так что хватит нести чепуху.

Джеспер покачал головой и положил руки на револьверы, которые только что забрал у Дирикса. Каждый раз, когда у него портилось настроение, он дотрагивался до оружия, как ребенок, ищущий утешения в любимой игрушке.

Помириться с ним ничего не стоило. Казу нужно было только подтвердить, что не ставит под сомнение его преданность, и напомнить, что сегодня он доверил ему роль единственного настоящего секунданта в битве, которая могла обернуться полным провалом. Но вместо этого он сказал:

– Иди, Джеспер. В «Клубе Воронов» для тебя открыт кредит. Играй до утра, или же до того момента, пока тебя не покинет удача.

Парень нахмурился, но Каз видел, как в его глазах мелькнул жадный блеск.

– Очередная взятка?

– Я человек привычки.

– К счастью для тебя, я тоже. – Он помедлил, но потом все же добавил: – Не хочешь, чтобы мы пошли с тобой? Люди Хейлса будут на взводе после всего этого.

– Я с ними разберусь, – сказал Каз и без лишних слов повернулся и зашагал по Немштрау. Если ты боишься ходить по Кеттердаму в одиночку после наступления темноты, то можешь сразу повесить на шею табличку «слабак» и лечь на мостовую в ожидании избиения.

Направляясь к мосту, он чувствовал на себе взгляды Отбросов. Ему не нужно прислушиваться к их шепоту – он и так знал, о чем они говорили. Им хотелось выпить с ним, выведать, как он сообразил, что Большой Боллигер продан Черным Пикам, услышать, какое было выражение лица у Хейлса, когда тот опустил пистолет. Но Каз не собирается ничего рассказывать, а если кому-то что-то не нравится, пусть ищет себе новую банду.

Что бы они о нем ни думали, сегодня они уйдут с высоко поднятой головой. Поэтому они и держатся рядом с ним и остаются преданными, насколько это возможно. Когда Каз официально стал членом «Отбросов», ему было всего двенадцать, а банда представляла собой жалкое зрелище: кучка беспризорников, замызганных попрошаек, зарабатывающих игрой в наперстки, и мелких жуликов, живущих в разрушенном доме в худшей части Бочки. Но он и не желал другой банды – он хотел ту, которую сам сделает великой, ту, которая будет нуждаться в нем.

Теперь у них есть своя территория и свой игорный зал, а тот заброшенный дом стал Клепкой – сухим и теплым прибежищем, где можно получить горячую еду и залечить раны. Теперь Отбросов боялись. И все благодаря Казу. Он не обязан еще и сказки им на ночь рассказывать.

Кроме того, с этим отлично справлялся Джеспер. Пара рюмок, несколько удачных партий, и к стрелку вернется обычное добродушие. Обижаться он умел так же долго, как находиться в завязке. К тому же у него был дар трезвонить о победах Каза так, словно они принадлежали всем.

Прогуливаясь вдоль небольшого канала, который шел через Пятую гавань, Каз вдруг понял, что именно он сейчас чувствует – святые угодники, он почти с надеждой смотрит в будущее. Может, стоит обратиться к врачу? Черные Пики неделями наступали ему на пятки, и теперь он заставил их играть по своим правилам. Нога тоже почти не ныла, несмотря на зимнюю стужу. Боль никогда не уходила, но сегодня она стихла до слабой пульсации. Тем не менее Каз гадал, не были ли переговоры неким испытанием, подготовленным для него Пером Хаскелем. Тот вполне способен убедить себя, что это он – гений, благодаря которому банда процветает, особенно когда один из его дружков постоянно нашептывает ему похвалы на ухо. Эта мысль не давала Казу покоя, но о Хаскеле он позаботится завтра. А пока нужно проверить, что в гавани все работает по графику, а потом отправиться домой в Клепку и наконец-то поспать.

Он знал, что Инеж кралась за ним еще от самой Биржи. Но парень делал вид, что не замечает ее. Когда она будет готова, то сама выйдет из укрытия. Обычно ему нравилась тишина; честно говоря, он бы предпочел зашить рот большинству знакомых. Но Инеж, если хотела, заставляла чувствовать свое молчание, и это действовало на нервы.

Каз держался всю дорогу железных перил Зенцбриджа. Решетки моста были увешаны обрывками веревок, завязанными в замысловатые узлы, – их на удачу оставляли моряки, уходящие в море, в надежде на счастливое возвращение. Суеверная чушь! Наконец он сдался и сказал:

– Выкладывай уже, Призрак.

Ее голос донесся из темноты:

– Ты никого не послал на Берштраг.

– А зачем?

– Если Хейлс не успеет...

– Никто и не собирался поджигать дом на улице Берштраг.

– Я слышала вой сирены...

– Счастливый случай. Надо же мне откуда-то черпать вдохновение!

– Значит, ты блефовал! Та девушка не была в опасности.

Каз пожал плечами, не желая отвечать. Инеж вечно пыталась разглядеть в нем хоть толику порядочности.

– Когда все знают, что ты чудовище, можно не тратить время на чудовищные поступки.

– Зачем ты вообще согласился на встречу, если понимал, что это подстава? – девушка бесшумно скользила где-то справа. Члены банды говорили, что она двигается как кошка, но он подозревал, что кошка, скорее всего, прилежно сидела бы у ног Инеж, чтобы изучить ее методы.

– Я бы назвал этот вечер удачным, – сказал он. – А ты?

– Тебя чуть не убили. Как и Джеспера.

– Хейлс опустошил казну Черных Пик на бесполезные взятки. Мы нашли предателя, вернули свое право на Пятую гавань, и при этом на мне нет ни царапины. Хороший был вечер.

– Как давно ты знал о Большом Боллигере?

– Не первую неделю. Теперь у нас нехватка людей. Кстати, об этом: напомни мне, что надо выгнать Ройакке.

– Почему? За игральным столом ему нет равных.

– Многие сопляки умеют управляться с колодой карт. Ройакке слишком хитрый. Он

утаивает выигрыш.

– Он отличный крупье, и ему нужно кормить семью. Ты мог бы сделать ему выговор, отрезать палец.

– Тогда он уже не будет хорошим крупье, не так ли?

Когда крупье ловили на том, что он крал деньги из игорного зала, пит-босс^[2] отрезал ему мизинец. Одно из тех глупейших наказаний, которые были в чести у банд. Утратившему палец ловкачу приходилось заново обучаться тасовать карты, а для его будущего работодателя изувеченная кисть нового работника являлась предупреждением, что за ним нужен глаз да глаз. Но эта мера также приводила к тому, что крупье становился неуклюжим за столом, ему приходилось сосредотачиваться на простейших действиях, вроде сдачи карт, вместо того чтобы наблюдать за игроками.

Каз не видел лица Инеж в темноте, но чувствовал ее негодование.

– Жадность – твой бог, Каз.

Он едва не рассмеялся.

– О нет, Инеж. Жадность склоняется передо мной. Она моя верная прислужница и главный рычаг влияния.

– Тогда какому богу служишь ты?

– Любому, кто предложит хорошую награду.

– Не думаю, что боги так работают.

– Не думаю, что меня это волнует.

Она раздраженно фыркнула. Несмотря на все, через что ей пришлось пройти, Инеж продолжала верить, что за ней присматривают ее сулийские святые. Каз об этом знал, и ему отчего-то нравилось дразнить девушку. Хотел бы он сейчас увидеть выражение ее лица. Небольшая складочка между черными бровями Инеж доставляла ему особенное удовольствие.

– Как ты мог предугадать, что я успею вовремя добраться до Ван Даля? – спросила она.

– Ты всегда успеваешь вовремя.

– Тебе стоило предупредить меня.

– Я думал, что твои святые оценят этот вызов.

Какое-то время они оба молчали, а затем он услышал ее голос позади себя:

– Люди смеются над богами, пока не нуждаются в них, Каз.

Он не видел, как она ушла, но почувствовал, что ее нет рядом.

Каз сердито покачал головой. Сказать, что он доверял Инеж, было бы преувеличением, но он не мог не признать, что уже привык на нее полагаться. Решение выкупить ее из «Зверинца» было чисто интуитивным и сильно ударило по карману Отбросов. Пера Хаскеля пришлось долго убеждать, но Инеж оказалась одним из самых удачных вложений Каза. Она обладала талантом оставаться незаметной, что делало ее отличным похитителем секретов, лучшим в Бочке. Правда, тот факт, что Инеж могла так легко исчезать, беспокоил Каза. У нее даже запаха не было. *Все* люди чем-то пахли. Слабый аромат карболки на пальцах у женщины или дыма в ее волосах, душок намокшего шерстяного пальто, исходящий от мужчины, или порох, которым провоняли манжеты его рубашки, – запах мог поведать многое о своем хозяине. Но только не об Инеж. Она в совершенстве владела искусством невидимости. Да, она была ценным приобретением. Но почему бы ей просто не выполнять свою работу? Ее переменчивость в настроении и упреки порядком надоедали Казу.

Внезапно он понял, что больше не один. Парень замер и прислушался. В тот момент он

как раз срезал путь через узкий проулок, разделенный мутным каналом. Здесь не было ни фонарей, ни прохожих – лишь яркая луна и маленькие лодки, которые стучались друг о друга на причале. Он потерял бдительность, позволил себе отвлечься.

В конце проулка возник темный мужской силуэт.

– В чем дело? – спросил Каз.

Человек накинулся на него. Каз низко махнул тростью. Он намеревался сбить с ног нападающего, но трость рассекла пустоту, а парень остушился, потеряв равновесие.

Внезапно мужчина вырос прямо перед ним. Каз получил удар кулаком в челюсть. Он встряхнул головой, пытаясь избавиться от искр, прыгающих у него перед глазами, развернулся и вновь взмахнул тростью. Но там, куда он целился, никого не было. Тяжелый набалдашник просвистел в воздухе и врезался в стену.

Кто-то справа выбил трость из его рук. Значит, нападающих двое?

А затем фигура прошла *сквозь* стену. Разум Каза закипал, пытаясь найти объяснение увиденному, пока густой туман принимал форму плаща, ботинок и бледного лица.

«Привидения», – подумал он.

Детский страх, в реальность которого на сей раз он поверил безоговорочно. Джорди наконец-то пришел за отмщением.

«Пора оплачивать свои долги, Каз. Нельзя получить что-то, не дав ничего взамен».

При этой мысли его охватил приступ унижительной, тошнотворной паники. Привидение набросилось на него, и Каз почувствовал сильный укол в шею. «Привидение со шприцем?»

«Идиот», – подумал он. А затем мир погрузился во тьму.

Каз проснулся от резкого запаха аммиака. Его голова дернулась назад, едва он пришел в сознание.

Перед ним стоял старик в халате университетского медика. В руке он держал пузырек с нюхательной солью и водил им перед носом Каза. Вонь была просто невыносимой.

– Отойди от меня! – прохрипел парень.

Медик окинул его бесстрастным взглядом и спрятал пузырек в кожаный мешочек. Каз пошевелил пальцами – единственное движение, на которое ему хватило сил. Он был прикован к стулу с заведенными за спину руками. Чем бы его ни накачали, он чувствовал себя так, будто его послали в нокаут.

Медик отошел в сторону, и Каз дважды моргнул. Когда у него наконец прояснилось в глазах, он огляделся вокруг. Как ни абсурдно это было, но Каз находился в помещении с роскошной обстановкой. Он ожидал, что окажется в логове «Черных Пик» или какой-нибудь другой конкурирующей банды, но это явно не дешевая показуха одной из бандитских нор Бочки. Для такой обстановки нужны огромные деньги – панели из красного дерева с резьбой в виде пенящихся волн и летучих рыб, полки, забитые книгами, витражные окна и, судя по всему, оригинал картины Де Каппеля на стене. Один из его портретов маслом, изображающий даму с раскрытой книгой на коленях и овечкой, лежащей у ее ног. Мужчина цветущего вида, наблюдавший за ним из-за широкого стола, походил на богатого купца. Но если это его дом, почему двери охраняют вооруженные стражники?

«Проклятие! – подумал Каз. – Меня взяли под арест?» Если так, то этого купца ждет сюрприз. Благодаря Инеж у него накопились сведения на каждого судью, пристава и высшего члена совета Керчии. Он выйдет из камеры еще до рассвета. Вот только его не посадили в камеру, а приковали к стулу. Что, черт возьми, здесь происходит?

Купец выглядел лет на сорок. У него было изможденное, но красивое лицо, а на лбу уже появились залысины. Когда Каз встретился с ним взглядом, сидящий за столом человек прочистил горло и сложил пальцы домиком.

– Господин Бреккер, надеюсь, вы не слишком плохо себя чувствуете.

– Уберите от меня этого старого слизняка. Я в порядке.

Купец кивнул медику.

– Можете идти. Пожалуйста, пришлите мне счет. И, конечно, я буду признателен за ваше благоразумие и молчание.

Старик закрыл свой саквояж и вышел из комнаты. В тот же миг купец встал и поднял кипу бумаг со стола. На нем были сшитый на заказ сюртук и жилет, – такой костюм носили все керчийские торговцы: темный, изысканный, намеренно старомодный. Но его карманные часы и булавка для галстука сказали Казу все, что ему нужно знать – тяжелую золотую цепочку для часов украшали звенья из лавровых листьев, а булавку венчал огромный рубин.

«За то, что ты приковал меня к стулу, я оторву этот крупный камешек от булавки и проколю ею твою толстую шею», – подумал Каз. Но сказал лишь:

– Ван Эк.

Мужчина кивнул. Кланяться не стал, разумеется. Торговцы не церемонились со всяким сбродом из Бочки.

– Значит, вам известно, кто я такой?

Каз знал символы и камни всех керчийских купеческих домов. На гербе Ван Эка был красный лавровый лист. Не нужно быть гением, чтобы связать одно с другим.

– Известно, – подтвердил он. – Вы один из тех купцов, которые мечтают покончить с Бочкой.

Ван Эк снова кивнул.

– Я пытаюсь дать людям честно заработать деньги.

Каз рассмеялся.

– В чем разница между ставками в «Клубе Воронов» и спекуляциями на Бирже?

– Первое называется воровством, а второе – коммерцией.

– Для человека, который теряет все свои сбережения, нет никакой разницы.

– Бочка – это гнездо разврата, безнравственности, жестокости...

– Сколько кораблей из тех, что вы отправляете из кеттердамских гаваней, не возвращаются?

– Это не...

– Не возвращается каждый пятый корабль, Ван Эк. Каждое пятое судно, которое вы отправляете за кофе, юрдой и шелком, опускается на дно моря, разбивается о скалы или становится жертвой нападений пиратов. Каждый пятый экипаж погибает, и их тела теряются в чужих водах, становясь кормом для рыб. Так что давайте не будем рассуждать о жестокости.

– Я не стану спорить о порядочности с сопляком из Бочки.

Каз этого и не ждал. Он просто тянул время, пробуя крепость кандалов на своих запястьях. Парень провел пальцами вдоль цепи, насколько было возможно, все еще гадая, куда его притащил Ван Эк. Хотя Каз никогда прежде не встречался с ним лично, он знал планировку его дома. Где бы они ни находились, это определенно не особняк купца.

– Поскольку вы похитили меня явно не для философских бесед, могу я узнать, какое у вас ко мне дело?

С такого вопроса начиналась любая деловая встреча. И звучали эти слова как приветствие от партнера, а не мольба заключенного.

– У меня есть к вам предложение. Если точнее, то не у меня, а у совета.

Каз ничем не выдал своего удивления.

– А Торговый совет всегда начинает переговоры с побоев?

– Считайте это предупреждением. И демонстрацией наших возможностей.

Каз вспомнил человека из переулка, как он появлялся и исчезал, словно привидение.

Джорди.

Он мысленно одернул себя. *«Это был не Джорди, не глухи. Сосредоточься»*. Им удалось его схватить потому, что Каз расслабился после недавней победы и потерял бдительность. Будет ему уроком – больше он никогда не совершит подобной ошибки. *«Это не объясняет появление фантома»*. Пока что он отмахнулся от этой мысли.

– Так зачем я понадобился Торговому совету?

Ван Эк начал перебирать бумаги.

– Впервые вас арестовали, когда вам было десять, – произнес он, всматриваясь в страницу.

– Все помнят свой первый раз.

– Дважды в тот год и дважды, когда вам исполнилось одиннадцать. В четырнадцать вас схватила стража во время облавы в игорном зале, но больше вы не попадались.

Это была правда. За три последних года еще никому не удавалось поймать Каза.

– Я изменился, – ответил он. – Нашел работу, живу жизнью честного труженика и молитвами.

– Не кощунствуйте, – мягко сказал Ван Эк, но в его глазах мелькнула ярость.

«Значит, верующий», – отметил про себя Каз, вспоминая все, что ему известно о купце – состоятельный, благочестивый, вдовец, недавно снова женился на девушке, которая была едва ли старше Каза. Ну и, конечно, существовала тайна вокруг сына Ван Эка.

Купец продолжал листать досье.

– Вы работаете букмекером на боях, скачках и в собственном игорном зале. Больше двух лет были пит-боссом в «Клубе Воронов». Вы самый молодой владелец букмекерской конторы и при этом умудрились увеличить ее прибыль в два раза. Вы шантажист...

– Я продаю сведения.

– Аферист...

– Я создаю возможности.

– Суточенер и убийца...

– Я не торгую женщинами и не убиваю без надобности.

– И что же это за надобность?

– Та же, что и у вас, купец. Выгода.

– Как вы добываете сведения, господин Бреккер?

– Скажем так, я взломщик.

– И весьма одаренный, я полагаю.

– Именно. – Каз слегка отклонился назад. – Видите ли, каждый человек – это сейф, хранилище тайн и стремлений. Есть те, кто идет путем насилия, но я предпочитаю более мягкий подход... надавить на нужные места в подходящий момент. Это деликатный процесс.

– Вы всегда выражаетесь метафорами, господин Бреккер?

Каз улыбнулся.

– Это не метафора.

Он вскочил со стула еще до того, как цепи упали на пол. Затем бросился к столу, схватил нож для вскрытия писем одной рукой и рубашку Ван Эка другой. Тонкий хлопок начал рваться, когда парень прижал лезвие к горлу купца. У Каза кружилась голова, а его конечности затекли от долгого сидения без движения, но с оружием в руках все теперь выглядело куда лучше.

Стражники Ван Эка нацелили на него дула пистолетов и обнажили клинки. Каз чувствовал, как заколотилось сердце торговца под тонкой шерстью его костюма.

– Не думаю, что мне стоит тратить силы на угрозы, – сказал Каз. – Говорите, где выход, или я выпрыгну вместе с вами в окно.

– Думаю, что могу заставить вас передумать.

Каз легонько встряхнул его.

– Мне плевать, кто вы, или насколько велик этот рубин. Никто не смеет похищать меня с моих же улиц. И никто не смеет заключать со мной сделки, пока я закован в цепи.

– Микка, – позвал Ван Эк.

И это произошло снова. Парнишка прошел прямо сквозь стену библиотеки. Он был бледен, как труп, и носил вышитую синюю мантию проливных с красно-золотой лентой на лацкане, означающей, что он служит дому Ван Эка. Но даже гриши не могли ходить сквозь стены!

«*Накачали*, – подумал Каз, пытаясь не паниковать. – *Меня накачали наркотиками*». Или это был какой-то фокус иллюзиониста, вроде тех, что показывали в театрах Восточного Обруча: девушка, разрезанная пополам, голуби, выпархивающие из чайника.

– Что за чертовщина? – прорычал он.

– Отпустите меня, и я объясню.

– Можете начинать.

Ван Эк прерывисто вздохнул.

– То, что вы видите, является эффектом *юрды-парема*.

– Юрда – всего лишь стимулятор. – Маленькие высушенные цветы, выращенные в Новом Земе, продавались в лавках Кеттердама. Когда Каз только стал членом «Отбросов», то жевал ее, чтобы не заснуть, сидя в засаде. Его зубы еще долго не удавалось очистить от оранжевой пылицы. – Она безвредна.

– Юрда-парем – это нечто совершенно другое и она определенно не безвредна.

– Значит, вы меня чем-то накачали.

– Не *вас*, мистер Бреккер. Микку.

Каз оценивающе посмотрел на болезненно бледное лицо гриша. Под его глазами пролегли темные круги, а хрупкое, дрожащее тело говорило о том, что он давно ничего не ел и совершенно об этом не заботился.

– Юрда-парем – это родственница обычной юрды, – продолжал Ван Эк. – Делают их из одного и того же цветка. Мы пока не знаем, как именно изготавливается порошок, но его проба была отправлена керчийскому Торговому совету ученым по имени Бо Юл-Баюр.

– Шуханец?

– Да. Он предпочел Керчию своей отчизне и прислал пробу новой юрды, чтобы убедить нас в правдивости заявления о необыкновенном эффекте порошка. Прошу, господин Бреккер, мне крайне неудобно так стоять. Если хотите, я дам вам пистолет, и мы сможем сесть и обсудить это более цивилизованным способом.

– Пистолет и мою трость.

Ван Эк кивнул одному из стражников, тот вышел на минутку и вернулся с тростью Каза. Каз был рад, что хотя бы стражники тут пользуются этой чертовой дверью.

– Сначала пистолет, – сказал он. – Медленно.

Стражник достал пистолет из кобуры и протянул его Казу рукояткой вперед. Парень взял оружие и быстрым движением взвел курок, затем отпустил Ван Эка, швырнул нож на стол и выхватил трость из руки стражника. От пистолета больше проку, но трость принесла Казу облегчение, в котором он не хотел признаваться даже себе.

Ван Эк попятился, увеличивая расстояние между собой и заряженным пистолетом Каза. Видимо, расслабиться и сесть ему не хотелось. Впрочем, как и Казу, поэтому он старался держаться поближе к окну, чтобы в случае чего сразу выпрыгнуть.

Ван Эк сделал глубокий вдох и поправил костюм.

– У вас очень любопытная трость, господин Бреккер. Работа фабрикатора?

Она действительно была творением гриша-фабрикатора – освинцованная и идеально сбалансированная для ломки костей.

– Не ваше дело. Рассказывайте, Ван Эк.

Купец прочистил горло.

– После того как Бо Юл-Баюр прислал нам порошок юрды-парема, мы испробовали его на трех гришах, по одному из каждого Ордена.

– Счастливые добровольцы?

– Прислуга, – признал купец. – Первыми были фабрикатор и целитель – слуги советника Худе. Микка – проливной. Он принадлежит мне. Вы видели, на что он способен под воздействием порошка.

Худе. Откуда ему знакомо это имя?

– Я не уверен в том, что видел, – ответил Каз, посмотрев на Микку. Взгляд парня был полностью сосредоточен на Ван Эке, словно он ждал от него следующих приказаний. Ну, или же новой дозы.

– Обычный проливной способен контролировать потоки, призывать воду и влагу из воздуха или ближайшего источника. Они управляют приливами и отливами в нашей гавани. Но под воздействием юрды-парема проливной может трансформировать свое тело из твердого в жидкое или газообразное. То же самое он делает с другими объектами. Даже со стеной.

Каз удержался от соблазна заявить, что он отказывается в это верить: у него не было других объяснений тому, чему он сам стал свидетелем.

– Каким образом?

– Трудно сказать. Вам известно об усилителях, которые носят некоторые гриши?

– Доводилось видеть, – ответил Каз. – Кости животных, зубы, чешуя. Насколько я знаю, их трудно добыть.

– Очень. Но они лишь увеличивают силу гришей. А юрда-парем меняет их сознание.

– И?

– Гриши могут менять общие свойства материи. Они называют это Малой наукой. Под воздействием парема их действия становятся более быстрыми и точными. В теории юрда-парем всего лишь стимулятор, как и ее обычный родственник. Но она обостряет и оттачивает чувства гришей. Наделяет их исключительной скоростью. Невозможное становится возможным.

– А что она делает с обычными жалкими тварями, вроде нас с вами?

Ван Эк слегка нахмурился, словно отвергая предположение, что у них с Казом может быть хоть что-то общее, но ответил:

– Приводит к летальному исходу. Для обычного человека юрда смертельно опасна даже в самых малых дозах.

– Вы сказали, что дали ее трем гришам. На что оказались способны двое других?

– Вот, – произнес Ван Эк, потянувшись к ящику стола.

Каз поднял пистолет.

– Полегче.

Купец очень медленно засунул руку в ящик и достал большой кусок золота.

– Изначально это был свинец.

– Да конечно!

Ван Эк пожал плечами.

– Я говорю вам лишь то, что видел сам. Фабрикатор взял в руки кусок свинца, а через секунду мы получили это.

– Откуда вы знаете, что оно настоящее? – спросил Каз.

– У него та же температура плавления, тот же вес и пластичность. Если этот кусок не идентичен золоту во всех отношениях, то разницу мы не обнаружили. Проверьте сами, если хотите.

Каз взял трость под мышку, забрал из рук Ван Эка тяжелый слиток золота и спрятал его в карман. Настоящее оно или просто убедительная имитация, но такой шмат дорого стоит на улицах Бочки.

– Вы могли достать его где угодно, – заметил Каз.

– Я бы привел фабрикатора Худе, чтобы он лично показал вам, на что способен, но ему нездоровится.

Каз покосился на болезненное лицо Микки и его вспотевший лоб. У этого порошка определенно была своя цена.

– Предположим, что все это правда, а не дешевый фокус. Какое отношение это имеет ко мне?

– Вы, наверное, слышали новость, что шуханцы выплатили весь свой долг Керчии благодаря внезапному притоку золота? Слышали об убийстве торгового посла из Нового Зема? О краже документов с военной базы в Равке?

Так вот что за тайна крылась за убийством посла в уборной! А золото, привезенное на трех кораблях шуханцами, наверное, было изготовлено фабрикатором. Каз ничего не слышал о равкианских документах, но все равно кивнул.

– Мы полагаем, что все эти случаи являются делом рук гришей, которые выполняли приказы шуханского правительства и находились под воздействием юрды-парема. – Ван Эк почесал подбородок. – Господин Бреккер, я хотел бы, чтобы вы всерьез задумались над тем, что я вам рассказал. Люди, которые ходят сквозь стены... ни один замок или крепость уже не будут залогом безопасности. Люди, которые могут превращать свинец в золото, да и все остальное тоже, которые могут изменить саму материю этого мира... финансовые рынки погрузятся в хаос. Мировая экономика рухнет.

– Очень увлекательно. Чего вы хотите от меня, Ван Эк? Украсть партию? Формулу?

– Нет, я хочу, чтобы вы похитили человека.

– Бо Юл-Баюра?

– Спасите его. Месяц назад мы получили от него сообщение, в котором он молил предоставить ему убежище. Его беспокоили планы правительства, связанные с юрдой-паремом, и мы согласились помочь ему сбежать. Мы организовали встречу, но в самый ответственный момент началась перестрелка.

– С шуханцами?

– Нет, с фьерданцами.

Каз нахмурился. Видимо, у фьерданцев были шпионы в Шухане или Керчии, раз они так быстро прознали о порошке и планах Бо Юл-Баюра.

– Так пошлите за ним кого-нибудь из своих агентов.

– Наши нынешние дипломатические отношения и без того довольно хрупкие. Очень важно, чтобы правительство Керчии никоим образом не стали связывать с именем Юл-Баюра.

– Вы же сами понимаете, что он, скорее всего, мертв. Фьерданцы ненавидят гришей. Они ни за что не позволят распространиться информации об этом порошке.

– Наши источники подтверждают, что он вполне жив и ждет суда, – Ван Эк прочистил горло. – В Ледовом Дворе.

Каз долго смотрел на Ван Эка, а затем разразился смехом.

– Ну, мне было приятно потерять сознание и быть похищенным вами. Можете не сомневаться, когда придет время, я отплачу за ваше гостеприимство. А теперь прикажите одному из своих лакеев проводить меня к выходу.

– Мы готовы предложить вам пять миллионов крюге.

Каз спрятал пистолет в карман. Он уже не чувствовал себя в опасности, просто негодовал, что этот прохвост зря потратил его время.

– Может, это станет для вас неожиданностью, Ван Эк, но мы, канальные крысы, ценим свою жизнь так же, как и вы свою.

– Десять миллионов.

– Нет смысла умирать ради денег, которые я не смогу потратить. Где моя шляпа... ваш проливной оставил ее в переулке?

– Двадцать.

Каз помедлил с ответом. У него появилось жутковатое ощущение, что вырезанные на стене рыбы замерли в прыжке, чтобы подслушать их разговор.

– Двадцать миллионов крюге?

Ван Эк кивнул. Вид у него был отнюдь не счастливый.

– Мне придется убедить свою команду согласиться на самоубийственную миссию. Малыми деньгами дело не обойдется.

Это была не совсем правда. Несмотря на то что он сказал Ван Эку, в Бочке полно людей, которые ни в грош не ставили свою жизнь.

– Двадцать миллионов крюге едва ли малые деньги, – раздраженно ответил купец.

– Из Ледового Двора еще никому не удавалось сбежать.

– Поэтому нам и нужны вы, господин Бреккер. Может быть, Бо Юл-Баюр уже мертв или выдал все свои секреты фьерданцам, но мы считаем, что у нас есть еще немного времени на активные действия, прежде чем секрет юрды-парема выплывет наружу.

– Если шуханцы владеют формулой...

– Юл-Баюр утверждал, что ему удалось ввести в заблуждение свое начальство и сохранить детали формулы в тайне. Мы полагаем, что они работают лишь с тем

ограниченным количеством данных, которые он им оставил.

«Жадность склоняется передо мной».

Возможно, Каз был слишком самоуверен на этот счет. Теперь жадность работала на благо Ван Эка. Рычаг пришел в действие, поборов сопротивление Каза и ставя его на место.

Двадцать миллионов крюге. Что же это будет за работа? Каз ничего не знал о шпионаже или правительственных разборках, но, с другой стороны, чем похищение Бо Юл-Баюра из Ледового Двора отличается от изъятия ценностей из сейфа купца? «Самого охраняемого сейфа в мире», – напомнил он себе. Ему понадобится особенная команда, из отчаянных людей, которых не испугает тот факт, что вероятность вернуться назад живыми очень мала. И ребятами из Отбросов дело не ограничится. В их рядах не было талантов, которые ему пригодятся. А это значит, что придется действовать еще осторожнее, чем обычно.

Но если им все удастся, даже после того, как Пер Хаскель получит свою часть, доли Каза хватит, чтобы все изменить. Чтобы осуществить мечту, которую он лелеял с тех пор, как впервые выполз из холодной гавани, с жаждой мести, прожигающей дыру в его сердце. Он наконец вернет свой долг Джорди.

Не говоря уже о других преимуществах. Керчийский совет будет обязан ему до скончания века, а его авторитет в городе взлетит до небес. Проникнуть в недоступный Ледовый Двор, оплот военной мощи Фьерды, и увести трофей из-под носа фьерданской знати? С такими заслугами за плечами и такими деньгами в руках он больше не будет нуждаться в Пере Хаскеле. Он сможет начать свой собственный бизнес.

Но надо кое-что выяснить.

– Почему я? Почему Отбросы? В Бочке есть и более опытные банды.

Микка закашлял, и Каз увидел кровь на его рукаве.

– Присядь, – ласково сказал Ван Эк, помогая парню устроиться в кресле и протягивая гришу свой платок. Затем кивнул стражнику. – Принеси воды.

– Ну? – поторопил его Каз.

– Сколько вам лет, господин Бреккер?

– Семнадцать.

– Вас не арестовывали с четырнадцати, и, поскольку я знаю, что с тех пор вы не стали ни на каплю порядочней, могу предположить, что у вас есть качество, которым должен обладать нанимаемый мной преступник: *вы не попадаетесь*. – Тут Ван Эк выдавил слабую улыбку. – Ну и решающим стал случай с моим Де Каппелем.

– Понятия не имею, о чем вы.

– Полгода назад из моего дома исчезла картина Де Каппеля, написанная маслом, которая стоила сто тысяч крюге.

– Какая потеря!

– Именно, особенно если принять во внимание мою уверенность в том, что галерея надежно охраняется, а замки на дверях невозможно взломать.

– Кажется, я читал об этом.

– Да, – признал Ван Эк со вздохом. – Гордость – опасная штука. Мне хотелось похвастаться своим приобретением и условиями, на которые пришлось пойти, чтобы защитить его. Тем не менее, несмотря на все меры предосторожности, охрану, сторожевых собак, сигнализацию и самый верный персонал во всем Кеттердаме, моя картина пропала.

– Мои соболезнования.

– Жду, когда она появится на мировом рынке.

– Может, у вашего грабителя уже был покупатель.

– Возможно, конечно. Но я склонен полагать, что вор украл ее по другой причине.

– И какой же?

– Просто чтобы доказать, что он может.

– Глупый риск, по-моему.

– Ну, кто их разберет, этих воров?

– Точно не я.

– Судя по тому, что мне известно о Ледовом Дворе, кто бы ни украл моего Де Каппеля, именно этот человек и нужен для такой работы.

– Тогда вам лучше его и нанять. Или ее.

– Ваша правда. Но придется довольствоваться вами.

Ван Эк задержал взгляд на Казе, словно надеялся увидеть признание в его глазах. Наконец он сказал:

– Значит, мы договорились?

– Не торопитесь. Что насчет целителя?

Ван Эк выглядел озадаченным.

– Кого?

– Вы сказали, что дали порошок гришам из каждого Ордена. Микка проливной – он ваш эфиреал. Фабрикатор, который сварганил этот кусок золота, был субстанциалом. А что произошло с корпориалом? Целителем?

Ван Эк, скривившись, произнес:

– Не откажете мне в прогулке, господин Бреккер?

Настороженно взглянув на Микку и стражников, Каз последовал за Ван Экком из библиотеки в коридор. Обстановка дома буквально кричала о богатстве – стены с панелями из темного дерева, пол из черно-белой плитки, все обустроено со вкусом, в сдержанном стиле, и безупречно продумано. Но атмосфера напоминала кладбище. Пустые комнаты с задернутыми шторами, мебель под белыми чехлами. Каждое помещение, мимо которого они проходили, выглядело как красивый морской пейзаж со скоплением айсбергов.

Худе. Наконец-то все встало на свои места. На прошлой неделе в особняке Худе на Гельдшпрате случился какой-то инцидент. Весь дом был оцеплен и кишел дозорными. До Каза доходили слухи о вспышке огненной оспы, но даже Инеж не удалось разузнать больше.

– Это дом советника Худе, – сказал Каз, и по его коже поползли мурашки. Ему не хотелось подцепить смертельную заразу, но купец и его охранники не выглядели обеспокоенными. – Я думал, это место закрыто на карантин.

– То, что здесь произошло, для нас не опасно. А если вы выполните свою работу, господин Бреккер, то никогда и не будет.

Ван Эк вывел его через дверь в ухоженный сад, в котором воздух разносил свежий аромат первых крокусов. Их запах ударил Казу в голову. Воспоминания о Джорди и без того были живы в его памяти, а благодаря цветам Каз на миг перенесся из сада богатого купца в разнотравье весеннего поля. Трава доходила до колена, жаркое солнце било в лицо, и брат звал его домой.

Каз помотал головой. *«Мне нужна чашка самого черного и крепкого кофе, который только можно найти, – подумал он. – Или хороший удар в челюсть».*

Ван Эк вел его к эллингу у канала. Свет, просачивающийся сквозь закрытые ставнями окна, отбрасывал узоры на садовую дорожку. Одиноким дозорным у двери стал по стойке

смирно, когда Ван Эк достал ключ из кармана и вставил его в тяжелый навесной замок. Из закрытого помещения так воняло мочой и экскрементами, что Каз прижал рукав к лицу. Да уж, это вам не весенние крокусы.

Помещение освещалось двумя стеклянными лампами на стене. Группа стражников стояла перед большой железной коробкой, а пол под их ногами был усыпан осколками. На одних стражниках была фиолетовая форма городских дозорных, на других – светло-зелёные ливреи дома Худе. Через отверстие, которое, как догадался Каз, раньше было смотровым окном, он увидел еще одного стражника, замершего рядом с пустым столом и двумя перевернутыми стульями. Как и у остальных, его руки вяло свисали вдоль тела, лицо ничего не выражало, а взгляд был направлен в никуда. Ван Эк включил другую лампу, и Каз увидел тело в фиолетовом мундире, валявшееся на полу с закрытыми глазами.

Купец вздохнул и присел, чтобы перевернуть его.

– Мы потеряли еще одного.

Парень был довольно юным, над его губой только начали пробиваться усы.

Ван Эк дал распоряжение впустившему их охраннику, и они вместе со стражником из свиты Ван Эка подняли и унесли тело. Остальные стражники в помещении никак не отреагировали, просто продолжая смотреть в пустоту.

Каз узнал одного из них – Генрика Дальмана, капитана дозорных.

– Дальман? – обратился он, но тот не ответил. Каз помахал рукой перед лицом капитана, а затем грубо щелкнул его по уху. Тот лишь медленно и равнодушно моргнул. Парень достал пистолет и приставил его прямо ко лбу капитана. Взвел курок. Дальман не шелохнулся. Его зрачки не увеличились.

– Это живой мертвец, – сказал Ван Эк. – Стреляйте. Вышибите ему мозги. Он не станет возражать, а остальные – не отреагируют.

Каз опустил оружие, по его телу побежали мурашки.

– Что с ним? Что здесь произошло?

– Девушка-гриш была корпоралкой, служившей при доме советника Худе. Он думал, что раз она целительница, а не сердцебитка, то на ней протестировать парем не опасно.

Довольно здравое рассуждение. Казу доводилось видеть сердцебитов в деле. Они могли расщепить ваши клетки, взорвать сердце прямо в груди, выкачать весь воздух из легких или замедлить пульс до такой степени, что вы впадете в кому, и при этом не коснуться вас и пальцем. Если в словах Ван Эка была хоть доля правды, мысль о том, что один из них получит дозу юрды-парема, пугала до чертиков. Поэтому купцы испробовали порошок на целителе. Но, судя по всему, их план не сработал.

– Вы дали ей порошок, и она убила своего хозяина?

– Не совсем, – Ван Эк откашлялся. – Они заперли ее в камере. Через пару секунд после принятия парема она взяла под контроль стражника, охранявшего ее...

– Как?

– Точно не знаем. Но каким бы методом она ни пользовалась, он позволил ей подчинить себе волю и этих стражников.

– Это невозможно.

– Разве? Мозг – всего лишь один из органов, скопление клеток и импульсов. Почему бы гришу, пребывающему под воздействием юрды-парема, не установить контроль над этими импульсами?

Должно быть, шок отразился на лице Каза.

– Посмотрите на них, – настаивал Ван Эк. – Она приказала им ждать. Именно это они и делают с тех пор.

Каз присмотрелся внимательней к безмолвной группе. В самом деле, их взгляды не были пустыми или безжизненными, а тела – не до конца безвольными. Они находились *в ожидании*. Парень постарался унять дрожь. Ему доводилось видеть странные, необычные вещи, но ничего подобного этому он никогда не встречал.

– Что случилось с Худе?

– Она приказала ему открыть дверь, а затем отрезать себе палец. Мы узнали об этом от паренька с кухни, который был здесь в тот момент. Девушка его не тронула. Он заявляет, что Худе отрезал себе палец с улыбкой на лице.

Казу совсем не нравилась мысль, что какие-то гриши могли управлять его разумом. Но Худе наверняка это заслужил. Во время гражданской войны в Равке многие из них бежали из охваченной боями страны и заплатили свободой за то, чтобы их пустили в Керчию. Согласившись работать прислугой, гриши не осознавали, что добровольно продались в рабство.

– Купец мертв?

– Советник Худе потерял много крови, но он не в таком состоянии, как эти люди. Его с семьей и прислугой отвезли за город.

– А целительница вернулась в Равку? – поинтересовался Каз.

Ван Эк указал ему на выход из эллинга и запер дверь, когда они покинули помещение.

– Похоже, что она этого хотела, – ответил он, пока они возвращались через сад к дому. – Нам известно, что она захватила небольшое судно и пыталась на нем отплыть в сторону Равки. Но два дня назад мы обнаружили ее тело, прибитое течением к берегу рядом с Третьей гаванью. Нам кажется, что она утонула, когда возвращалась в город.

– Зачем ей было возвращаться?

– За новой дозой.

Каз вспомнил блестящие глаза Микки и его бледную кожу.

– Порошок вызывает зависимость?

– Достаточно всего одной дозы. Как только порошок заканчивает действовать, тело гриша ослабевает и требует еще. Доза парема достаточно изнуряет.

«Достаточно изнуряет» – это мягко сказано. Совет приливов контролировал проход в кеттердамские гавани. Если целительница пыталась вернуться ночью на небольшой лодке, у нее не было никаких шансов из-за течения. Каз подумал об истощенном лице Микки и о том, как одежда висела на его исхудавшем теле. Таким он стал из-за порошка. Действие юрды-парема не закончилось, но он уже хотел еще. Казалось, совсем немного, и он рухнет как подкошенный. Как долго могли продержаться гриши в таком состоянии?

Хороший вопрос, но сейчас он не имел значения. Они подошли к воротам. Пришло время заключать сделку.

– Тридцать миллионов крюге, – сказал Каз.

– Мы говорили о двадцати! – разозлился Ван Эк.

– *Вы* говорили. И дураку ясно, что вы в отчаянии. – Каз оглянулся в направлении эллинга, в котором стояла группа людей, ждущих своей смерти. – И мне ясно почему.

– Совет мне голову оторвет!

– И будет восхвалять вас, как только вы спрячете Юл-Баюра в своем укрытии, где бы оно ни находилось.

– В Новом Земене.

Каз пожал плечами.

– Мне плевать, хоть в кофейник его засуньте.

Ван Эк внимательно посмотрел на него.

– Вы видели, на что способен этот порошок. Заверяю вас, это лишь начало. Если юрдапарем распространится по миру, войны не миновать. Наши торговые пути будут уничтожены, а рынки рухнут. Керчия этого не переживет. Вся надежда на вас, господин Бреккер. Если вы не справитесь, пострадает весь мир.

– О, все гораздо хуже, Ван Эк. Если я не справлюсь, мне не заплатят.

Выражение отвращения на лице купца заслуживало быть запечатленным на холсте самим Де Каппелем.

– Ну же, не стоит так разочаровываться. Только подумайте, каким бы несчастным вы были, окажись у этой канальной крысы хоть капля патриотизма. Вам бы пришлось сменить гримасу на своем лице и проникнуться ко мне уважением.

– Спасибо, что избавили меня от этой участи, – брезгливо ответил Ван Эк. Открыв дверь, он помедлил. – Хотя мне любопытно, что бы получилось из мальчика с таким интеллектом при иных обстоятельствах.

«Спросите у Джорди», – подумал Каз с горечью и пожал плечами.

– Воровал бы у более богатых недоумков. Тридцать миллионов крюге.

Купец кивнул.

– Тридцать. Сделка есть сделка.

– Сделка есть сделка, – повторил Каз, и они пожали друг другу руки.

Когда ухоженная ладонь Ван Эка сжала перчатку Каза, купец прищурился.

– Почему вы носите перчатки, мистер Бреккер?

Каз поднял бровь.

– Уверен, до вас доходили слухи.

– Каждый новый нелепее предыдущего.

Каз тоже их слышал. Руки Бреккера были по локоть в крови. Руки Бреккера были покрыты шрамами. У Бреккера были когти вместо пальцев, потому что он полудемон. Прикосновение Бреккера обжигало, как сера, – стоит дотронуться до его оголенной кожи, как начинается гниение и отмирание плоти.

– Выбирайте сами, – сказал Каз, исчезая в ночи. Его мысли уже были заняты тридцатью миллионами крюге и командой, которая поможет ему их добыть. – Все они истинная правда.

4. Инеж

Когда Каз вошел в Клепку, Инеж узнала об этом в ту же минуту. Его присутствие ощущалось в каждой тесной комнатке, в каждом кривом коридоре. И каждый бандит, вор, шулер, жулик или зазывала почувствовал прилив бодрости. Любимый лейтенант Пера Хаскеля прибыл домой.

Клепка не была чем-то особенным: самый обычный дом в худшем квартале Бочки. Три этажа, увенчанных чердаком и двускатной крышей. Большинство зданий в этой части города строились без фундамента, многие стояли на болотистой почве, между наспех проложенными каналами. Дома поддерживали друг друга, как подвыпившие друзья в кабаке,

пытающиеся найти опору. Инеж побывала во множестве таких домов, выполняя поручения Отбросов, и внутри они выглядели ничуть не лучше – холодные, сырые, от стен ломтями отваливается штукатурка, через щели в оконных рамах заливает дождем или засыпает снегом. Но Каз потратил собственные сбережения, чтобы избавиться от сквозняков в Клепке, укрепить и утеплить стены. Внутри было неуютно, криво и тесно, но, по крайней мере, сухо.

Комната Инеж находилась на третьем этаже – узкая конура, в которую едва вмещались койка и сундук, зато из окна открывался вид на остроконечные крыши и дымоходы Бочки. Когда дул сильный ветер, рассеивая угольный дым, нависший над городом, девушка даже могла различить синеву гавани вдали.

Хотя до рассвета оставалась всего пара часов, в Клепке никто не спал. Единственное время, когда здесь было тихо, наступало в дремотные послеполуденные часы. К тому же сегодня ночью всех лихорадило из-за новостей о разборке на Бирже, о судьбе Большого Боллигера, а теперь еще и об увольнении бедного Ройакке.

После беседы с Казом Инеж отправилась напрямик в «Клуб Воронов», чтобы разыскать крупье. Он раздавал карты Джесперу и парочке равкианских туристов за столом для «Ежевики на троих». Когда он закончил, Инеж предложила выйти поговорить в одной из частных игорных комнат, чтобы избавить его от позора увольнения на глазах у друзей, но Ройакке не захотел все решить мирным путем.

– Это не честно! – взвыл он, когда она передала ему распоряжение Каза. – Я не жульничал!

– Обсуди это с Казом, – тихо ответила Инеж.

– И не кричи так, – добавил Джеспер, оглядываясь на туристов и моряков, сидящих за соседними столами. Хотя в Бочке давно привыкли к бандитским разборкам, в стенах «Клуба Воронов» они не позволялись. Если у тебя какие-то проблемы, то, будь мил, решай их снаружи, где ты не рискуешь прервать священный ритуал по отниманию денег у простофиль.

– Где Бреккер? – прорычал Ройакке.

– Я не знаю.

– Ты всегда все обо всех знаешь, – процедил парень, подавшись вперед. От него разлило пивом и луком. – Разве Грязные Руки не за это тебе платит?

– Я понятия не имею, где он и когда вернется. Зато я *знаю*, что тебе не стоит здесь задерживаться.

– Выдай мне мой чек. Мне должны еще за прошлую смену.

– Бреккер ничего тебе не должен.

– Он побоялся говорить со мной лично? Отправил маленькую девочку, чтобы выпереть меня? Может, мне просто вытрясти из тебя пару монет? – он попытался схватить ее за ворот рубашки, но Инеж с легкостью увернулась. Он повторил попытку.

Краем глаза Инеж заметила, как Джеспер встал со своего места, но девушка жестом показала ему не вмешиваться и скользнула пальцами в кастет, который прятала в правом боковом кармане. Затем быстро врезала Ройакке по левой щеке.

Его руки взметнулись к лицу.

– Эй, я же тебя не трогал! Это была всего лишь шутка!

Вокруг начали собираться зрители, поэтому Инеж снова его ударила. Несмотря на правила «Клуба Воронов», ее действия были оправданы. Когда Каз привел Инеж в Клепку, то сразу предупредил, что не сможет постоянно приглядывать за ней, и она должна научиться защищать себя сама. Так она и поступила. Самым простым решением было бы уйти, когда

посетители начинали грубо окликать ее или придвигались бочком, желая облапать, но если бы она так делала, то вскоре обнаружила бы, что они суют руки ей в блузку или прижимают к стене. Вот почему она не прощала ни одного косого взгляда, ни одного обидного слова. Инеж всегда была первой, и была сильно. Иногда даже приходилось пускать в дело нож. Это утомляло, однако для людей в Керчии не было ничего святого, кроме торгов, и Инеж действовала жестко, чтобы показать всем желающим унижить ее, какому риску они себя подвергают, и заставить их задуматься, стоит ли того сомнительное удовольствие, которое они рассчитывают получить.

Ройакке приложил пальцы к щеке, на которой уже начал расцветать уродливый синяк. Он был ошарашен и уязвлен.

– Я думал, мы друзья, – тихо заметил он.

Самое печальное, что так оно и было. Ройакке *нравился* Инеж. Но сейчас перед ней стоял просто напуганный человек, желающий почувствовать свое превосходство над другими.

– Ройакке, – сказала она. – Я видела, как ты управляешься с колодой. Ты можешь найти работу где угодно. Иди домой и радуйся, что Каз не требует выбить из тебя все, что ты ему должен, ладно?

И он ушел, слегка покачиваясь и прижимая руку к щеке, как обиженный ребенок. К Инеж подошел Джеспер.

– Знаешь, а ведь он прав. Каз не должен посылать тебя выполнять за него грязную работу.

– В нашем деле любая работа – грязная.

– Но мы все равно ее выполняем, – вздохнул он.

– У тебя усталый вид. Ты вообще собираешься сегодня спать?

Джеспер подмигнул ей.

– Нет, пока карты горячи. Оставайся, сыграй с нами. Каз внесет за тебя ставку.

– Неужели, Джеспер? – спросила она, поднимая капюшон. – Если я захочу посмотреть, как мужчины копают себе могилу, я пойду на кладбище.

– Да ладно тебе, Инеж! – крикнул он ей вслед, когда она выходила через большие двойные двери на улицу. – Ты приносишь удачу!

«*Ради всех святых*, – подумала она, – *насколько надо быть безрассудным, чтобы в это верить?*» Ее удача осталась в сулийском лагере, на берегах Западной Равки. И что-то ей подсказывало, что туда она уже не вернется.

Инеж покинула свою крошечную комнатку в Клепке и съехала вниз по перилам лестницы. Здесь ей не нужно было скрываться, но у девушки уже вошло в привычку быть незаметной, к тому же скрип ступенек напоминал писк совокупляющихся мышек. Доехав до второго этажа и увидев толпу внизу, Инеж остановилась.

Каз появился позже, чем все надеялись, и стоило ему войти в темную прихожую, как его окружили люди, желающие поздравить с победой над Хейлсом и спросить, нет ли известий о Черных Пиках.

– Ходят слухи, что Хейлс собирает банду, чтобы напасть на нас, – сказала Аника.

– Ну и пускай! – рявкнул Дирикс. – На рукоятке моего топора высечено его имя!

– Некоторое время Хейлс не будет ничего предпринимать, – ответил Каз, шагая по коридору. – У него не хватает людей, чтобы выступить против нас на улицах, а его казна сильно опустела – они не смогут нанять новеньких. Разве вы не должны быть в «Клубе

Воронов»?

Поднятой брови оказалось достаточно, и Аника поспешила прочь, а за ней по пятам убежал и Дирикс. Другие подходили, чтобы выразить свое восхищение и погрозить Черным Пикам. Никто не осмеливался на большее, чем просто похлопать Каза по спине – за лишнюю вольность можно было поплатиться рукой.

Инеж знала, что Каз непременно зайдет поговорить с Пером Хаскелем, поэтому, вместо того чтобы спуститься на первый этаж, она пошла дальше по коридору. Там был чулан, забитый всякой всячиной: старые стулья со сломанными спинками, заляпаные краской покрывала. Инеж убрала ведро с моющими средствами, которое сама же туда поставила, так как знала, что никто в Клепке не станет к нему прикасаться. Решетка под ним открывала прекрасный вид на кабинет Хаскеля. Девушка чувствовала себя немного виноватой за то, что собирается подслушать их разговор, но ведь Каз сам превратил ее в шпионку. Нельзя тренировать сокола и ждать, что он не станет охотиться.

Через решетку до нее донесся стук в дверь, а затем и приветствие Каза.

– Вернулся живым? – спросил старик. Она видела, как тот сидел в своем любимом кресле, вертя в руках модель корабля, которую он сооружал уже почти год. Как всегда, кружка с пинтой пива стояла у него под боком.

– Больше проблем с Пятой гаванью не будет.

Хаскель хмыкнул и снова занялся кораблем.

– Закрой дверь.

Инеж услышала, как закрылась дверь, приглушив шум из коридора. В поле зрения появилась макушка Каза. Его темные волосы были влажными. Должно быть, на улице шел дождь.

– Тебе нужно было попросить у меня разрешения на то, чтобы разобраться с Боллигером, – заметил Хаскель.

– Если бы я рассказал тебе, могли пойти слухи...

– Думаешь, я бы позволил этому случиться?

Каз пожал плечами.

– Это место ничем не отличается от любого другого в Кеттердаме. Здесь тоже протекает.

Инеж могла поклясться, что в этот момент он посмотрел прямо в вентиляционное отверстие.

– Мне это не нравится, мальчик. Большой Боллигер был *моим* солдатом, а не твоим.

– Конечно, – ответил Каз, но оба знали, что это ложь. Отбросы Хаскеля были старой гвардией аферистов и жуликов из прошлого. Боллигер был членом команды Каза – свежей кровью, юной и бесстрашной. Может, даже слишком бесстрашной.

– Ты смысленый, Бреккер, но тебе нужно научиться терпению.

– Да, сэр.

Старик громко рассмеялся.

– Да, сэр! Нет, сэр! – передразнил он Каза. – Когда ты становишься вежливым, значит, ты что-то задумал. Вот только что?

– Есть работа, – сказал Каз. – Возможно, мне придется надолго уехать.

– Большие деньги?

– Очень.

– Большой риск?

– И это тоже. Но ты получишь свои двадцать процентов.

– Ты не должен строить больших планов без моего разрешения, ясно? – Каз, должно быть, кивнул, поскольку Пер Хаскель откинулся на спинку кресла и сделал глоток пива. – Мы сильно разбогатеем?

– Будем как святые в золотых коронах.

Старик фыркнул.

– Чем бы дитя ни тешилось. Лишь бы мне не пришлось жить, как одному из них.

– Я поговорю с Пимом. Он может подменить меня, пока я буду отсутствовать.

Инеж нахмурилась. Куда это Каз собрался? Он не упоминал о новой работе. *«И почему Пим?»* От этой мысли ей стало немного стыдно. Она так и представляла, что сказал бы отец: *«Ты желаешь стать королевой воров, Инеж?»* Одно дело, хорошо выполнять свою работу. Другое – жаждать успеха. Она не хотела вечно оставаться с Отбросами. Инеж планировала выплатить свой долг и освободиться от Кеттердама навеки. Так почему ей не все равно, что Каз выбрал Пима руководить бандой на время своего отсутствия? *«Потому что я умнее Пима. Потому что Каз мне больше доверяет».* Но, возможно, он не верил, что банда будет слушать такую, как она, которая покинула бордель всего два года назад и еще не достигла семнадцати лет. Хотя Инеж и носила одежду с длинными рукавами, а ножны ее оружия почти полностью скрывали шрам на внутренней части левого предплечья, где когда-то была татуировка «Зверинца», все равно все знали об этом.

Когда Каз вышел из кабинета Хаскеля, Инеж покинула свое убежище, чтобы дождаться, пока он поднимется по лестнице.

– Ройакке? – спросил он, проходя мимо нее и приближаясь к второму пролету.

– Ушел, – ответила Инеж, идя за ним следом.

– Сильно возмущался?

– Я справилась.

– Я не об этом спрашивал.

– Он разозлился. Возможно, с ним еще возникнут проблемы.

– Да уж, чего-чего, а создавать их он умеет.

Они добрались до верхнего этажа. Чердак дома был превращен в кабинет и спальню Каза. Инеж знала, что такое количество лестничных пролетов плохо сказывалось на его больной ноге, но Казу очень нравилось иметь в своем распоряжении целый этаж.

Он вошел в кабинет и сказал, не оглядываясь:

– Закрой дверь.

Большую часть комнаты занимал импровизированный стол, – старая дверь от склада, лежащая на ящиках из-под фруктов, – который был завален бумагами. Некоторые пит-боссы пользовались арифмометрами – клацающими машинками с латунными кнопками и бумажными рулонами, но Каз вел бухгалтерию «Клуба Воронов» у себя в голове. Он заполнял бухгалтерские книги только для того, чтобы порадовать старика, и чтобы ему было на что сослаться, когда он ловил кого-то на обмане или искал новых инвесторов.

Одной из самых серьезных перемен, которые произошли в делах банды после прихода Беккера, стало то, что Каз дал возможность обычным торговцам и законным предпринимателям покупать акции «Клуба Воронов». Поначалу те отнеслись к его предложению скептически, будучи уверенными, что это очередная афера, но Каз завлек их мизерными ценами и умудрился собрать достаточный капитал, чтобы купить ветхое старое здание, довести его до ума и начать работать. Первые инвесторы получили с этого немаленькую прибыль. Ну, по крайней мере, так болтали. Инеж никогда не могла с

точностью сказать, какие легенды о Казе были правдой, а какие – слухами, которые он сам же и распустил ради своей выгоды. Вполне возможно, что ему просто удалось запудрить мозги какому-нибудь несчастному честному торговцу и отобрать все его сбережения ради процветания «Клуба Воронов».

– У меня есть для тебя работа, – сказал Каз, просматривая цифры за предыдущий день. Ему хватало одного взгляда на бумажку, чтобы запомнить ее содержание. – Как ты смотришь на четыре миллиона круге?

– Такие деньги скорее проклятие, нежели подарок судьбы.

– Моя маленькая сулийская идеалистка. Все, что тебе нужно для счастья – это набитый живот и прямая дорога? – спросил он с издевкой в голосе.

– И легкость на сердце, Каз, – *этого сложнее всего добиться*, подумала она.

Он рассмеялся ей в лицо и прошел в свою маленькую спальню.

– Не стоит и надеяться. А я вот предпочту деньги. Так они нужны тебе или нет?

– От тебя подарков судьбы не дождешься. Что за работа?

– Невероятно трудное задание, почти верная смерть. Шансы на успех ничтожные, но если нам удастся... – он умолк, его пальцы замерли на пуговицах жилета, взгляд стал далеким, даже немного мечтательным. Редко когда ей доводилось слышать такое возбуждение в его хриплом голосе.

– Если нам удастся?.. – вопросительно повторила Инеж.

Каз внезапно улыбнулся – резко, как разряд молнии, – и его глаза приняли оттенок чернейшего кофе.

– Мы станем королем и королевой, Инеж. Королем и королевой.

– Хм-м, – уклончиво ответила она, делая вид, что рассматривает один из своих ножей, и намеренно игнорируя его ухмылку. Каз не глупый мальчишка, планирующий их совместное будущее. Он – опасный игрок, который всегда действует только в своих собственных интересах. *«Всегда»*, – строго напомнила она себе.

Инеж старалась не смотреть на него и собирала бумаги в стопку на столе, пока Каз снимал жилет и рубашку. Она и сама не знала, приятно ей или обидно, что он ее не стесняется.

– И как долго нас не будет? – спросила девушка, бросая на него взгляд через приоткрытую дверь в спальню. Жилистый торс парня с выпирающими мышцами украшало множество шрамов и всего две татуировки: одна, с вороном и чашей «Отбросов», была набита на предплечье, другая, с черной буквой «Р», на бицепсе чуть выше. Инеж никогда не спрашивала, что означает эта буква.

Ее внимание привлекли руки Каза, когда он снял кожаные перчатки и опустил кусок ткани в таз с водой. Снимал он их исключительно у себя в спальне и, насколько ей было известно, только перед ней. Какой бы недуг он ни скрывал, она не замечала ни малейшего его признака, – лишь тонкие пальцы взломщика и яркую полосу шрама, полученного в какой-то давней уличной драке.

– Пару недель, может, месяц, – ответил он, проводя намокшей тканью под мышками и по точеной груди, от чего капельки воды быстро побежали по его торсу.

«Ради всех святых!» – подумала Инеж, заливаясь румянцем. Конечно, она всякого повидала в «Зверинце», но всему был предел. Что бы сказал Каз, если бы она внезапно разделась и начала перед ним мыться?

«Не закапай стол, наверное», – подумала она, нахмурившись.

– Месяц? – переспросила девушка. – Тебе не кажется, что сейчас не время для отлучек?

Черные Пики жаждут мести.

– Игра стоит свеч. Кстати, об этом. Позови ко мне Джеспера и Маззена. Скажи, что я жду их здесь к рассвету. И мне нужно завтра ночью встретиться с Уайленом в клубе.

– Уайлен? Если это важное задание...

– Просто сделай это.

Инеж скрестила руки. Еще минуту назад он заставлял ее краснеть, а теперь ей хотелось его убить.

– Не хочешь ничего объяснить?

– Когда все соберутся. – Он надел свежую рубашку, но остановился перед тем, как застегнуть воротничок. – Это необычная работа, Инеж. Ты имеешь право согласиться или отказаться от нее.

Внутри зазвенел тревожный звоночек. На улицах Бочки каждый день приходилось подвергать себя риску. Работая на Отбросов, она убивала, крала, наказывала плохих и хороших людей, но Каз никогда не намекал, что какое-либо из этих поручений было чем-то иным, кроме приказа. Такова была цена за то, что Пер Хаскель выкупил ее контракт и освободил от «Зверинца». Так чем же отличалось это задание от любых других?

Каз закончил застегивать рубашку, надел угольно-черный жилет и бросил что-то Инеж. Предмет мелькнул в воздухе, и она поймала его одной рукой. Раскрыв ладонь, девушка увидела крупную булавку с рубином и золотыми лавровыми листьями.

– Спрячь ее, – велел Каз.

– Чья она?

– Теперь наша.

– А чья была?

Каз промолчал. Он взял щетку и начал чистить свое пальто от засохшей грязи.

– Того, кому стоило подумать дважды, прежде чем нападать на меня.

– Нападать?!

– Ты все правильно услышала.

– Кому-то удалось одержать верх над тобой?

Он посмотрел на нее и коротко кивнул. Беспокойство охватило Инеж и свернулось внутри тугим комком. Никто не осмеливался нападать на Каза. Он имел репутацию самого жестокого, самого страшного существа, бродившего по улицам Бочки. Она на это полагалась. Как и он.

– Больше этого не повторится, – пообещал парень.

Каз надел новую пару перчаток, взял трость и направился к выходу.

– Я вернусь через пару часов. Убери Де Каппеля, который мы украли из дома Ван Эка, в хранилище. Кажется, картина лежит свернутая у меня под кроватью. О, и закажи мне новую шляпу.

– *Пожалуйста.*

Каз тяжело вздохнул, приготовившись к трем мучительным лестничным пролетам. Затем оглянулся через плечо и сказал:

– Дорогая Инеж, сокровище моего сердца, ты не могла бы оказать мне услугу и заказать новую шляпу, *пожалуйста?*

Девушка многозначительно посмотрела на его трость.

– Долгой тебе дороги вниз, – пожелала она, а затем прыгнула на перила и заскользила по

ним, как масло по сковороде.

5. Каз

Каз направился вдоль Восточного Обруча в сторону гавани, проходя через район игорных заведений. Печально известный клубок узких улочек и небольших водоемов, больше известный, как Бочка, был заключен между двумя основными каналами – Восточным и Западным. Каждый из них служил для определенной клиентуры. Дома здесь отличались от других зданий Кеттердама: они были больше, шире и выкрашены в броские цвета – всем своим видом привлекая внимание прохожих. «Сундук сокровищ», Золотая излучина», «Речное судно Уэдделла». Лучшие из букмекерских контор располагались дальше к северу, в самом привлекательном районе Крышки. Этот участок канала находился ближе всего к гаваням – идеальное место, чтобы привлекать туристов и моряков, прибывающих в порт.

«Не то что «Клуб Воронов», – размышлял Каз, глядя на черно-красный фасад. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы заманить туристов и азартных купцов, жаждущих развлечений, так далеко на юг. Скоро пробьет четыре утра, а толпа у клуба и не думала расходиться. Каз наблюдал за потоком людей, проходящих мимо черных колонн портика под пристальным взором потемневшего от времени серебряного ворона, расправившего свои крылья над входом.

«Боги, благословите этих простофиль, – подумалось ему. – Благословите этот добрый и щедрый народ, готовый опустошить свои кошельки и пополнить казну «Отбросов», а потом еще и поблагодарить нас за хорошо проведенное время».

Он увидел зазывал у входа, которые громкими голосами обращались к потенциальным клиентам, предлагая бесплатные напитки, горячий кофе и самые честные сделки во всем Кеттердаме. Каз кивнул им и пошел дальше на север.

Лишь один игорный дом в Обруче волновал его не меньше, чем «Клуб Воронов»: «Изумрудный дворец», гордость и отрада Пекки Роллинса. Здание было выкрашено в отвратительный зеленый цвет и украшено искусственными деревьями, с которых свисали поддельные золотые и серебряные монеты. Место оформили в едином стиле, как дань каэльскому происхождению Роллинса и его банды – «Грошовых Львов». Даже девушки, что выдавали фишки, щеголяли в сверкающих зеленых платьях из шелка, а их волосы были подкрашены в неестественный темно-рыжий цвет, чтобы они походили на уроженок Блуждающего острова. Проходя мимо «Изумрудного», Каз поднял взгляд на фальшивые золотые монеты, и почувствовал, как в нем закипает ярость. Сегодня она ему потребуется – в качестве напоминания о том, что он потерял и чего стремился добиться. Он нуждался в ней, чтобы подготовиться к своей безрассудной аванюре.

– Кирпичик за кирпичиком, – пробормотал Каз себе под нос. Это единственные слова, которые могли помочь ему контролировать себя и избежать соблазна пройти через пафосные золотисто-зеленые двери дворца, потребовать частную аудиенцию у Роллинса и перерезать ему глотку.

«Кирпичик за кирпичиком».

Это обещание помогало ему засыпать темными ночами, проживать день за днем и держать призрака Джорди в узде. Потому что Пекка Роллинс не заслуживал быстрой смерти.

Каз наблюдал, как люди заходят и выходят из «Изумрудного дворца», и заметил своих

зазывал – мужчину и женщину, которых он нанял, чтобы переманивать клиентов Пекки на юг перспективами более выгодных сделок, более крупных выигрышей и более симпатичных девушек.

– Откуда это ты пришел такой покрасневшийся? – спрашивала женщина у мужчины, говоря при этом гораздо громче, чем требовалось.

– Только вернулся из «Клуба Воронов»! Выиграл сотню круге всего за один час!

– Да ты что!

– Правда! Вот, пришел в Обруч, чтобы взять пиво и встретить друга. Хочешь присоединиться к нам и пойти туда вместе?

– «Клуб Воронов»! Кто бы мог подумать?

– Пойдем, я куплю тебе выпивки. Всем бесплатная выпивка!

И они ушли, громко смеясь, оставляя посетителей, толпившихся у клуба, в раздумьях, не стоит ли им тоже пройти всего пару мостов через канал и посмотреть – вдруг там повезет больше? Прислужница Каза, жадность, заманивала их на юг, как Крысолов со своей дудочкой.

Ему приходилось постоянно менять зазывал, чтобы вышибалы Пекки ни о чем не догадались. Переманивая клиентов, он постепенно лишал «Изумрудный дворец» его дохода. Это был один из бесчисленных приемов, которые пускал в ход Каз с намерением стать сильнее за счет Пекки – он перехватывал его поставки юрды, присылал ему счет за доступ к Пятой гавани, скидывал цену за арендную плату, чтобы жильцы шли к Казу, а не к Роллинсу, и медленно-медленно дергал за ниточки, осложняя ему жизнь.

Несмотря на всю ложь, которую он распространял, и на то, что он сделал с Хейлсом, Каз не был подонком. Он даже родом не из Кеттердама. Ему было девять, а Джорди тринадцать, когда они впервые приехали в город. Во внутренний карман старого пальто брата был вшит чек от продажи фермы их отца. Каз мог представить себя тогдашнего, бродящего по Обручу с мечтательным взглядом. Он крепко держался за руку Джорди, чтобы его не унесло толпой. Как ненавидел вспоминать о том, какими простофилями они были, словно так и ждали, чтобы их обобрали. Но тех мальчишек уже давно нет, и наказание за это должен понести Пекка Роллинс.

Однажды он приползет к Казу на коленях и будет молить о помощи. Если Каз справится с заданием Ван Эка, то этот день настанет гораздо раньше, чем он надеялся.

«Я тебя уничтожу, кирпичик за кирпичиком».

Но если у него и есть шансы пробраться в Ледовый Двор, ему понадобится умелая команда, и скоро он станет на шаг ближе к этому, потому что найдет два очень важных кусочка пазла.

Парень свернул в аллею, идущую вдоль одного из мелких каналов. Туристы и купцы предпочитали ходить по освещенным улицам, поэтому здесь людей почти не было, и Каз быстро добрался до нужного места. Вскоре показались огни Западного Обруча. Звучала музыка, вокруг толпились жаждущие новых развлечений мужчины и женщины из разных слоев общества и разных стран.

Музыка доносилась из заведений через открытые нараспашку двери. Там на диванах отдыхали люди, одетые в какие-то обрезки шелка и увешанные безвкусными безделушками. Над водой на канатах покачивались акробаты – казалось, на их гибких телах одни лишь блестки; на мостовой уличные музыканты играли на скрипках, надеясь вытрясти пару монет из прохожих. Разносчики, громко расхваливая свой товар, толпились возле пришвартованных

узких частных гондол купцов и больших шлюпок, которые привозят туристов и моряков из Крышки вглубь острова.

Большинство из них никогда не посещали бордели Западного Обруча. Они приезжали, чтобы поглазеть на толпу, – а это и впрямь было то еще зрелище. Люди предпочитали приходить в эту часть Бочки в маскарадных костюмах или скрывать свои лица под вуалями, масками и капюшонами плащей, так что видно было только, как блестят их глаза. Они покупали наряды в специальных лавках, расположенных чуть дальше от главных каналов, и иногда пропадали на несколько дней – все зависело от веса их кошельков. Тут можно было увидеть и Мистера Кримсона, и Потерянную Невесту, и Безумца в гротескной маске с выпученными глазами – всех персонажей «Зверской комедии». Были и Шакалы – группы буйных мужчин и юношей, ходивших по Бочке в красных лакированных масках сулийских предсказателей.

Каз вспомнил, что Инеж была оскорблена, когда впервые увидела такую маску в витрине магазина. Она не смогла удержаться от гримасы презрения.

– Настоящие сулийские предсказатели встречаются довольно редко. Эти люди – святые. А маски, которые продают здесь как дешевые сувениры, – священные символы.

– Я видел, как сулийские гадалышки промышляли в фургонах и плавучих борделях. Мне они не показались такими уж святыми.

– Они – мошенники. Устраивают цирк для тебя и таких типов, как ты.

– Таких типов? – рассмеялся Каз.

Она с отвращением махнула рукой.

– *Шеврати*. Невежды. Они смеются над тобой под этими масками.

– Не надо мной, Инеж. Я никогда никому не платил, чтобы узнать свое будущее – ни мошенникам, ни святым.

– У судьбы на всех есть планы, Каз.

– Так это судьба отобрала тебя у семьи и засунула в кеттердамский бордель? Или же просто невезение?

– Я пока не знаю, – сухо ответила девушка.

В такие моменты ему казалось, что Инеж его ненавидит.

Каз начал протискиваться сквозь толпу, незаметный в этом буйстве красок. У каждого из крупных борделей была своя тема: одни были более очевидны, другие – менее. Он прошел мимо «Синего ириса», «Гибкой кошки», мимо окна «Кузницы», из которого сердито выглядывал бородатый мужчина, «Темной комнаты», «Ивового прута», мимо блондинок с наивными глазами из «Снежного дома» и, конечно же, «Зверинца», также известного как «Дом экзотики», где Инеж заставляли носить поддельные сулийские шелка. Он заметил Танте Хелен в павлиньих перьях и знаменитом бриллиантовом колье, устраивающую прием в позолоченной гостиной. Она управляла «Зверинцем», находила девушек и следила, чтобы они вели себя надлежащим образом. Увидев Каза, она состроила кислую мину и, поджав губы, подняла бокал, словно произносила тост, хотя выглядело это как угроза. Он проигнорировал ее и пошел дальше.

«Дом Белой розы» был одним из самых роскошных заведений в Западном Обруче. У него была своя пристань, а сверкающий фасад из белого мрамора больше подходил для дома купца, нежели для борделя. Вокруг окон висели белые розы, их густой и сладкий аромат висел над этой частью канала.

Воздух в салоне был пропитан запахом парфюма. В огромных алебастровых вазах

стояли те же белые розы, что и цвели снаружи; мужчины и женщины – некоторые в масках или вуалях, другие с открытыми лицами, – ждали на диванах цвета слоновой кости, потягивая белое вино и закусывая ванильными пирожными с миндальным ликером.

Парень на входе был одет в бархатный костюм кремового цвета, и в его петлице тоже торчала роза. Белые волосы и бесцветные глаза выдавали в нем альбиноса, но Каз знал, что работающий здесь гриш просто изменил его так, чтобы парень соответствовал декору дома.

– Господин Бреккер, – произнес он, – Нина сейчас с клиентом.

Каз кивнул и проскользнул в коридор, украшенный горшком с кустом роз, подавив желание прикрыть нос воротником. Онкль Феликс – хозяин «Белой розы», любил говорить, что его девочки пахнут так же сладко, как эти цветы. На самом деле то была насмешка над клиентами. Именно этот сорт белой розы, единственный, что мог выжить во влажном климате Кеттердама, не имел запаха. Все цветы были обрызганы духами.

Каз провел пальцами по панелям за горшком с растением и нажал на зазубрину в стене. Открылся проем, и он взобрался по винтовой лестнице, которой пользовались только те, кто здесь работал.

Комната Нины находилась на третьем этаже. Соседняя с ней была открыта и никем не занята, и Каз скользнул внутрь. Отодвинув картину с натюрмортом на стене, он прижался лицом к отверстию. Смотровые щели были во всех борделях. Для владельцев домов это способ контролировать безопасность и честность своих девушек, а также продавать места тем, кто получал наслаждение от наблюдений за другими. Каз за свою жизнь вдоволь насмотрелся, как обитатели трущоб удовлетворяли свою похоть в темных уголках и подворотнях, поэтому это зрелище его ничем не привлекало. Кроме того, он прекрасно знал, что любой, кто в надежде на увлекательное зрелище решит подсмотреть за происходящим именно в этой комнате, будет глубоко разочарован.

За круглым столом, накрытым белой скатертью, сидел низенький лысый мужчина. Руки он аккуратно сложил у серебряного подноса с нетронутым кофе. За ним стояла Нина Зеник, закутанная в красную шелковую *кефту*, что свидетельствовало о ее принадлежности к гришам-сердцебитам. Одну ладонь она прижимала ко лбу мужчины, а вторую – к затылку. Девушка была высокой и походила на кариатиду на носу корабля, вытесанную щедрой рукой. Они застыли словно замороженные. В комнате не было даже кровати, лишь узкий диванчик, на котором Нина каждую ночь сворачивалась калачиком.

Когда Каз как-то спросил ее об этом, она ответила:

– Я не хочу, чтобы мужчинам приходили в голову дурные мысли.

– Мужчине не нужна кровать для дурных мыслей, Нина.

Она кокетливо улыбнулась.

– Ты-то что об этом знаешь, Каз? Сними свои перчатки, и мы посмотрим, какие мысли придут в наши головы.

Каз сурово посмотрел на нее, и девушка опустила глаза. Его не интересовал флирт с Ниной Зеник, да и сама она не питала к нему интерес. Нине просто нравилось флиртовать со всеми подряд. Он однажды видел, как она строит глазки паре туфель в витрине магазина.

Нина и лысый человечек долго молчали, но, когда пробили часы, он встал и поцеловал ей руку.

– Ступайте, – сказала она торжественным голосом. – Пребудьте в мире.

Лысый еще раз поцеловал ей руку, и его глаза наполнились слезами.

– Спасибо вам.

Как только посетитель исчез в коридоре, Каз вышел из комнаты и постучал в дверь Нины.

Она осторожно открыла ее, не снимая с цепочки.

– А, это ты.

Девушка не слишком рада была его видеть, но и не удивилась. Каз Бреккер на пороге твоей комнаты – не то чтобы хороший знак. Сняв цепочку и позволив ему войти, она сняла красную кефту, под которой обнаружилась рубашка из сатина, такого тонкого, что его едва ли можно было назвать тканью.

– Небеса, как же я ненавижу эту штуку, – сказала она, отбросив кефту в угол и доставая потрепанный халат из ящика.

– А что с ней не так?

– Она неправильно сшита, и у меня от нее все тело чешется.

Кефта была сшита на керчийской фабрике, а не равкианской – это костюм, а не униформа. Каз знал, что Нина никогда не надевала ее на улицу – это слишком рискованно для гришей. Ее членство в «Отбросах» подразумевало, что любой, кто осмелится напасть на нее, станет заклятым врагом всей банды. Но месть не будет иметь особого значения, если к тому времени Нина уже окажется на корабле работорговца, везущего ее неизвестно куда.

Девушка плюхнулась в кресло у стола, скинула шлепанцы, украшенные сверкающими камнями, и зарылась ногами в мягкий белый ковер.

– О-о-о-о, – довольно протянула она. – Так гораздо лучше. – Нина взяла с подноса пирожное, отправила его в рот и пробубнила: – Что тебе нужно, Каз?

– У тебя крошки на груди.

– Мне все равно, – она откусила еще раз. – Я хочу есть.

Каз покачал головой, смеясь и удивляясь, как быстро Нина вышла из образа мудрой жрицы-гриша. Она могла бы блистать на сцене.

– Это был Ван Акстер, торговец?

– Да.

– Его жена умерла месяц назад, и с тех пор его бизнес пошел на спад. Теперь, когда он навещает тебя, нам ждать перемен к лучшему?

Нина не нуждалась в кровати, так как специализировалась на эмоциях: радости, спокойствии, чувстве уверенности. Большинство корпоративов работали с телом, – умерщвляли или исцеляли, – но Нине нужна была работа, которая позволила бы ей остаться в Кеттердаме и не попасть в беду. Вместо того чтобы рисковать жизнью, став наемницей, она замедляла сердцебиение, облегчала дыхание, расслабляла мышцы. У девушки был и другой заработок на стороне – она разглаживала морщины и убирала вторые подбородки богатым керчийцам, и все же ее главным источником дохода оставалась работа с настроением. Люди приходили к ней страдающими от одиночества, подавленными горем, иногда просто тоскующими без видимой причины, а уходили посветлевшими, вдохновленными, освобожденными от тревог и печали. Эффект длился недолго, но иногда хватало даже иллюзии счастья, чтобы ее клиенты смогли почувствовать, что в состоянии прожить еще один день. Нина утверждала, что этот эффект как-то связан с гландами. Казу было плевать на детали, лишь бы она являлась на его зов и вовремя отдавала Перу Хаскелю его проценты.

– Думаю, ты заметишь изменения, – ответила девушка. Она доела последнее пирожное и с аппетитом облизала пальцы. Затем вынесла поднос за дверь и позвонила, вызывая горничную. – Ван Акстер пришел ко мне в конце прошлой недели и с тех пор не пропускал

ни дня.

– Замечательно. – Каз отметил про себя, что нужно будет купить акции компании, принадлежащей Ван Акстеру. Даже если у торговца хоть немного улучшается настроение благодаря работе Нины, это хорошо скажется на его делах. Каз чуть помедлил, затем продолжил: – Ты можешь помочь ему почувствовать себя лучше, облегчаешь страдания и все такое... А заставить его сделать что-то ты бы могла? Например, забыть свою жену?

– Изменить тропы его разума? Не будь дураком.

– Мозг – всего лишь орган, – процитировал Каз Ван Эка.

– Да, но невероятно сложный. Контролировать или менять мысли другого человека... ну, это не то же самое, что замедлять пульс или высвободить химические вещества, чтобы поднять настроение. Слишком много переменных. Ни один гриш не способен на это.

«Пока», – мысленно поправил он.

– Значит, ты лечишь симптомы, а не причину.

– Он пытается *избежать* горя, а не исцелиться от него. Если я – его единственное средство, ему никогда по-настоящему не оправиться после смерти жены.

– И что потом, ты отошлешь его? Посоветуешь найти новую жену и перестать маячить у твоей двери?

Она провела расческой по своим светло-каштановым волосам и посмотрела на него через зеркало.

– Пер Хаскель, случайно, не подумывает простить мне долг?

– Никак нет.

– Ну, тогда Ван Акстер и дальше будет справляться со своей печалью так, как сам считает нужным. У меня еще один клиент через полчаса. Какое у тебя ко мне дело, Каз?

– Клиент подождет. Что ты знаешь о юрде-пареме?

Нина пожала плечами.

– Ходят разные слухи, но я думаю, все это бред.

Помимо Совета приливов, не так много гришей работали в Кеттердаме, Все они хорошо друг друга знали и с готовностью обменивались информацией. Большинство из них были в бегах и очень не хотели привлекать к себе внимание работорговцев или равкианского правительства.

– Это не просто слухи.

– Летающие шквальные? Проливные, что превращаются в туман?

– Фабрикаторы, которые изготавливают золото из свинца. – Каз сунул руку в карман и бросил ей кусок золота. – Оно настоящее.

– Фабрикаторы работают с материей. Они возятся с металлом и тканью. Но превратить одну вещь в другую им не под силу, – она подняла золото к свету. – Ты мог достать его где угодно, – повторила она те же слова, что говорил Каз Ван Эку пару часов назад.

Не дожидаясь приглашения, парень опустил на плюшевую кушетку и вытянул больную ногу.

– Юрда-парем существует, Нина, и, если ты все тот же маленький стойкий солдат гришей, каким я тебя знаю, ты захочешь услышать, что она делает с людьми вроде тебя.

Она повертела кусок в руках, затем крепче укуталась в халат и свернулась на краю кушетки. Каз снова поразился ее трансформации. В этой комнате она играла роль, создавая образ, в котором нуждались ее клиенты: могущественная девушка-гриш, мудрая и спокойная.

Но сейчас, сидя с нахмуренными бровями и подобранными под себя ногами, она была

самой собой – семнадцатилетней девушкой, выросшей в надежных стенах и роскоши Малого дворца, а ныне находящейся вдали от дома и с трудом зарабатывающей себе на жизнь.

– Расскажи мне, – попросила она.

Каз поведал почти все, что знал, скрыв лишь детали сделки с Ван Эком. Зато не утаил ни одной подробности о Бо Юл-Баюре, юрде-пареме, вызывающей привыкание, и упомянул о том, что недавно были выкрадены равкианские военные документы.

– Если все это правда, то Бо Юл-Баюра нужно устранить.

– Это не наша работа, Нина.

– Дело не в деньгах, Каз.

В этом она была не права, дело всегда в деньгах. Но Каз также понимал, что нужен еще один рычаг давления, чтобы убедить Нину. Она любила родную страну и свой народ. Верила в будущее Равки и Второй армии – военной элиты гришей, которая чуть было не распалась во время гражданской войны. Друзья Нины, которые остались в Равке, думали, что она мертва, стала жертвой фьерданских охотников на ведьм, и ей хотелось, чтобы пока все так и оставалось. Но Каз знал, что она надеется когда-нибудь вернуться на родину.

– Нина, мы похитим Бо Юл-Баюра, и для этого мне нужен корпориа. Я хочу, чтобы ты была в моей команде.

– Где бы он ни скрывался, ты наверняка его найдешь, и позволить ему жить будет самой возмутительной безответственностью. Мой ответ – нет.

– Он не прячется. Фьерданцы заперли его в Ледовом Дворе.

Нина выдержала паузу.

– Значит, он уже мертв.

– Торговый совет считает иначе. Они бы не стали идти на такие отчаянные меры и предлагать нам столь крупную награду, если бы он был нейтрализован. Ван Эк по-настоящему обеспокоен. Я это видел.

– Ты о том купце, с которым общался?

– Да. Он утверждает, что у них достоверная информация. Допустим, это не так – что ж, тогда я приму удар на себя. Но если Бо Юл-Баюр жив, *кто-то* должен вытащить его из Ледового Двора. Почему бы не мы?

– Ледовый Двор, – повторила Нина, складывая кусочки пазла вместе. – Тебе потребуется не только корпориа, верно?

– Да. Мне нужен человек, который знает Двор снаружи и изнутри.

Она встала и начала шагать по комнате, уперев руки в бока. Ее халат распахивался от резких движений.

– Ах ты, мелкий *скив*! Сколько раз я приходила к тебе, моля помочь Матиасу? А теперь, когда тебе что-то понадобилось...

– Пер Хаскель – не благотворительный фонд.

– Не переводи стрелки на старика! – рявкнула Нина. – Если бы ты хотел мне помочь, то сделал бы это.

– И с чего бы мне этого хотеть?

Она быстро повернулась.

– Потому что... потому что...

– Когда я оказывал кому-либо услуги за «спасибо», Нина?

Она открыла рот, но снова его закрыла.

– Знаешь, скольких людей мне пришлось бы просить об одолжении? Скольких

подкупить, чтобы выгнать Матиаса Хельвара из тюрьмы? Цена была слишком высока.

– А теперь? – выдавила девушка, с пылающими от гнева глазами.

– Теперь свобода Хельвара чего-то стоит.

– Она...

Каз поднял руку и перебил ее:

– Чего-то стоит *для меня*.

Нина прижала пальцы к вискам.

– Даже если ты освободишь его, Матиас ни за что не согласится помочь.

– Просто нужно найти рычаг, на который следует надавить.

– Ты его не знаешь.

– Разве? Он, как и любой другой человек, движим алчностью, гордостью и болью. Кто-то, а ты должна это понимать.

– Хельваром движет честь и только честь. Его нельзя подкупить или запугать.

– Может, когда-то так и было, Нина, но прошел целый год, очень долгий год. Матиас сильно изменился.

– Ты его видел? – ее зеленые глаза широко раскрылись в нетерпении.

«*Вот оно*, – подумал Каз, – *Бочка еще не выбила из тебя надежду*».

– Видел.

Нина прерывисто вздохнула.

– Он захочет отомстить, Каз.

– Это то, чего он хочет, а не то, что ему нужно, – ответил он. – Рычаг у того, кто знает разницу.

6. Нина

Тяжесть в животе Нины не имела никакого отношения к мерному покачиванию лодки. Девушка делала глубокие вдохи и пыталась сосредоточиться на огнях кеттердамской гавани, исчезающей позади, а также на ритмичном плеске весел о воду. Каз, сидящий рядом с ней, поправлял маску и плащ, а Маззен неумоимо греб, с бешеной скоростью приближая их лодку к Тереньелу – одному из крошечных островков Керчии. Ближе к Хеллгейту^[3] и Матиасу.

Над водой низко стелились влажные клубы тумана. Они несли запах смолы, машинного масла от верфей «Империи» и еще сладковатый запах горящих тел с Баржи Жнеца, где Кеттердам избавлялся от трупов людей, которые не могли позволить себе быть похороненными на кладбищах за городом. «*Отвратительно*», – подумала Нина, кутаясь в плащ. Она не понимала, почему вообще кто-то хотел жить в подобном городе.

Маззен радостно мурлыкал, продолжая грести. Нина виделась с ним мельком – он был вышибалой и телохранителем, как злополучный Большой Боллигер. Девушка старалась не посещать Клепку и «Клуб Воронов». Каз окрестил ее за это снобом, но ей было плевать на мнение Бреккера о ее вкусах. Нина оглянулась и посмотрела на широкие плечи Маззена. Интересно, Каз взял его только для того, чтобы он греб, или же Бреккер ждал неприятностей?

«*Конечно, будут неприятности, – мы собираемся проникнуть в тюрьму. Так почему же мы одеты, будто идем на вечеринку?*»

В полночь она встретила с Казом и Маззеном в Пятой гавани, и, едва они сели в маленькую лодку, Каз вручил ей голубой шелковый плащ и такого же оттенка вуаль – наряд Потерянной Невесты, в который нравилось наряжаться искателям удовольствий, когда они пускались во все тяжкие в Бочке. Каз надел длинный оранжевый плащ и маску Безумца. На Маззене был такой же костюм. Осталось только найти помост, и тогда они могли бы исполнить одну из коротких мрачных сценок «Зверской Комедии», которую жители Керчи находили очень забавной.

Каз легонько ткнул ее локтем.

– Опусть вуаль.

Он тоже надвинул маску; длинный нос и выпученные глаза в тумане смотрелись еще безобразней.

Только Нина собралась наконец спросить, зачем они так нарядились, как поняла, что они уже не одни. Сквозь зыбкую пелену она увидела другие лодки, скользящие по воде, и люди в них тоже были одеты в костюмы Безумца и Невесты, а также Мистера Кримсона и Королевы Скарабеев. Что они все забыли в Хеллгейте?

Каз отказался делиться с ней подробностями своего плана, а когда Нина попыталась настоять, просто сказал:

– Садись в лодку.

В этом был весь Каз. Он прекрасно знал, что не обязан посвящать ее в свои тайны, поскольку соблазн освобождения Матиаса уже одержал победу над здравым смыслом. Нина целый год пыталась уговорить Бреккера вытащить Хельвара из тюрьмы. Теперь он мог предложить Матиасу нечто большее, чем свободу, но цена этого оказалась намного выше, чем она ожидала.

Когда они подплыли к скалистым берегам Тереньела, она оглянулась. Бухта освещалась лишь парой фонарей; все остальное тонуло во мраке. Слышался шум волн.

– Ты что, не мог просто подкупить надзирателя? – прошептала она Казу.

– Ему не следует знать, что у него есть что-то, чего я хочу.

Едва днище их лодки царапнуло песок, им навстречу бросились двое мужчин и стали затаскивать ее на берег. Другие лодки заплывали в ту же бухту, и мужчины с ворчанием и проклятиями вытягивали посетителей на сушу. Нина не могла как следует рассмотреть их лица сквозь ткань своей вуали, но заметила татуировки на их предплечьях: дикая кошка, свернувшаяся вокруг короны, – символ «Грошовых Львов».

– Деньги, – сказал один из них, когда они вылезли из лодки.

Каз вручил ему пачку крюге, мужчина пересчитал ее и, махнув рукой, пропустил их вперед.

Они последовали вверх за вереницей факелов по неровной тропинке к подветренной стороне тюрьмы. Нина запрокинула голову, чтобы посмотреть на высокие черные башни крепости, известной как Хеллгейт, – они напоминали черные кулаки, поднимающиеся из моря. Раньше ей доводилось видеть их только издалека: однажды она заплатила рыбаку, чтобы тот отвез ее на остров. Когда девушка попросила подплыть ближе, он отказался.

– Тут водятся опасные акулы, – заявил он. – Их брюхи переполнены кровью каторжников.

Нина поежилась от этого воспоминания.

Дверь, к которой они подошли, была открыта, и член банды «Грошовые Львы» завел их внутрь. Они оказались в удивительно чистой и темной кухне; вдоль стен стояли огромные

чаны, которые больше подходили для стирки белья, нежели для приготовления пищи. В помещении странно пахло уксусом и шалфеем. «*Как на кухне у торговца*», – подумала Нина. Для керчийцев физический труд был сродни молитве. Может, сюда приходили жены купцов, чтобы драить полы, стены, окна с помощью мыла, воды и мозолистых рук, чувствуя таким образом Гезена – бога промысла и торговли. Нину чуть не стошнило. Пусть драят, сколько влезет. Под этим приятным запахом крылся несмыываемый смрад плесени, мочи и немых тел. Понадобится настоящее чудо, чтобы избавиться от него.

Они вышли в пропитанный сыростью, неосвещенный коридор, и Нина подумала, что сейчас они поднимутся к камерам, но вместо этого их вывели через очередную дверь наружу, и они двинулись дальше по высокой каменной дорожке, похоже, соединяющей главную тюрьму с другой башней.

– Куда это мы? – прошептала она. Каз не ответил. Ветер усилился, задрал ее вуаль и отхлестав девушку по щекам солеными брызгами.

Когда они вошли во вторую башню, в тени обозначился чей-то силуэт, и Нина едва не вскрикнула.

– Инеж, – выдохнула она с облегчением. На сулийке были рога и туника с высоким воротом – костюм Серого Бесенка, но Нина все равно ее сразу узнала. Кто еще мог двигаться так, словно мир – это дым, сквозь который ей ничего не стоит пройти?

– Как ты вообще сюда добралась? – зашептала она.

– Приплыла раньше на барже снабжения.

Нина стиснула зубы.

– Люди что, приезжают в Хеллгейт ради развлечения?

– Да, раз в неделю, – кивнула Инеж, и ее маленькие рога затряслись.

– В смысле, что ты хочешь этим...

– Помолчите, – рыкнул Каз.

– Не затыкай мне рот, Бреккер, – яростно зашипела Нина. – Если в Хеллгейт так легко попасть...

– Проблема не в том, как попасть, а в том, как выбраться. А теперь заткнись и будь начеку.

Нина сдержала злость. Ей придется довериться Казу. Он сделал все возможное, чтобы у нее не осталось иного выбора.

Они двинулись по узкому проходу. Эта башня отличалась от предыдущей: очень древняя, с неотесанными каменными стенами, почерневшими от факелов. Их провожатый открыл тяжелую стальную дверь и жестом позвал следовать за ним вниз по крутой лестнице. Запах немых тел и испражнений усилился, застоявшиеся испарения соленой воды не давали ему рассеяться.

Они спускались вглубь скалы. Нина цеплялась за стену. Перил не было, и, хоть она не видела нижней площадки, что-то ей подсказывало, что приземление не будет мягким. Путь был недолгим, но к тому времени, как они дошли, ее тело дрожало от напряжения. Не столько от усталости, сколько от мысли, что Матиас где-то рядом, в этом ужасном месте.

«*Он здесь. Под этой крышей!*»

– Где мы? – прошептала она, когда они нырнули в тесный каменный туннель и прошли мимо темных пещер, оборудованных железными решетками.

– В старой тюрьме, – ответил Каз. – Они построили новую башню, но эту оставили нетронутой.

Из одной камеры донесся стон.

– Тут по-прежнему держат заключенных?

– Только худших из них.

Девушка всмотрелась в темноту между прутьями пустой камеры. На стене висели кандалы с пятнами ржавчины и чего-то похожего на кровь.

Через стены послышался ритмичный стук. Сначала Нина приняла его за шум океана, но затем сообразила, что это хор голосов. Они вышли в еще один туннель. Справа опять потянулись старые камеры, но теперь сюда проникал свет, льющийся из арок, расположенных с левой стороны. Заглянув в одну из них, Нина увидела ревущую беснующуюся толпу.

Грошовый Лев подошел к третьей арке, к которой был приставлен тюремный охранник в сине-серой форме. За его спиной висело ружье.

– Еще четверо, – перекрикивая толпу, сказал их провожатый. Затем повернулся к Казу: – Если захотите уйти, охранник вызовет проводника. Одним ходить запрещено, вам ясно?

– Конечно-конечно, мы даже и не думали о таком, – произнес Каз из-под своей дурацкой маски.

– Хорошего вечера, – ответил мужчина с гадкой ухмылкой. Охранник махнул им рукой, впуская в арку.

Войдя под своды арки, Нина почувствовала себя так, будто попала в какой-то кошмарный сон. Они стояли на каменном выступе перед топорно сделанным амфитеатром. Внутри башня была выпотрошена, чтобы получилась арена. От старой тюрьмы остались лишь почерневшие стены. Крыша давно провалилась, или была разрушена, поэтому над ними простиралось ночное беззвездное небо, затянутое облаками. Казалось, что они угодили в ствол пустого массивного дерева, давно умершего и воющего отголосками прошлого.

Террасы вокруг были заполнены людьми в масках и вуалях, они топали ногами и смотрели вниз. На стенах, окружавших яму, где происходил бой, полыхали факелы, а песок, покрывающий арену, был красным и влажным там, где пролилась кровь.

В зияющей дыре пещеры рядом с большим деревянным колесом, разрисованным фигурками животных, стоял тощий бородатый мужчина в кандалах. Когда-то он был силачом, но теперь его кожа обвисла, а мышцы ослабли. По другую сторону от него Нина увидела юношу в облезлой накидке из львиной шкуры и уборе, изображающем звериную морду. Между ушами к львиной голове прикрепили ослепительно яркую золотую корону, вместо глаз вставили серебряные монеты.

– Крути колесо! – скомандовал юноша.

Заключенный поднял руки в кандалах и сильно крутанул колесо. Внутри него закрутилась красная стрелка, задевая края и издавая при этом веселый бряцающий звук. Колесо плавно остановилось. Нина не могла разобрать нарисованный символ, на который указывала стрелка, но толпа взревела. Плечи мужчины поникли, когда стражник начал снимать с него кандалы.

Узник отбросил их в сторону на песок, и через секунду Нина услышала дикий рев, перекрывающий даже возбужденные вопли зрителей. Мужчина в львином плаще и стражник спешно запрыгнули на веревочную лестницу, и их подняли из ямы на безопасный выступ. Заключенный подошел к забрызганной кровью куче оружия, лежащей на песке, и выбрал хлипкий на вид нож. Затем отступил на максимальное расстояние от выхода из туннеля.

Из него выползло чудовище, которое Нина прежде никогда не встречала. Это был какой-

то вид рептилии: крупное туловище покрыто серо-зеленой чешуей, голова – плоская и широкая, глаза-щёлочки – желтого цвета. Рептилия двигалась медленно, волнообразно, лениво скользя по песку. Кожа вокруг ее широкой пасти была покрыта какой-то белой коркой, и, когда она снова взревела, что-то влажное, белое и вспенивающееся закапало с ее острых клыков.

– Что это за тварь? – спросила Нина.

– *Ринка мотен*, – ответила Инеж. – Пустынная ящерица. Ее яд – смертелен.

– Она кажется довольно медлительной.

– Да. Но только кажется.

Заключенный кинулся на ящерицу с поднятым ножом. Та увильнула так быстро, что Нина едва успела проследить за ней взглядом: вот узник бежит прямо на нее, а в следующее мгновение рептилия уже находится в другой части арены. Еще секунда, и она подмяла под себя человека, прижимая его к земле. Он закричал, когда ему на лицо закапал яд, оставляя после себя дымящийся след на коже.

Тварь навалилась на узника всей тяжестью своей туши, и раздался тошнотворный хруст. Затем она принялась терзать его плечи, и человек закричал еще громче.

Толпа начала свистеть.

Нина отвернулась, не в силах больше смотреть на этот ужас.

– Что здесь происходит?

– Добро пожаловать на Хеллшоу, – ответил Каз. – Идея устроить такое зрелище пришла в голову Пекке Роллинсу пару лет назад, и он поделился ею с нужным членом совета.

– Торговый совет в курсе?!

– Конечно, Нина. На этом можно заработать много денег.

Нина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. От снисходительного тона Каза ей захотелось ему врезать.

Она хорошо знала имя Пекки Роллинса. Он был правящим королем Бочки, хозяином целых двух игорных домов – одного роскошного и другого, более доступного, для моряков, – а также нескольких дорогих борделей. Когда Нина прибыла в Кеттердам год назад, у нее не было ни друзей, ни денег, никого, кто мог бы ее приютить. Первую неделю ей пришлось провести в керчийских судах, где ее допрашивали в связи с обвинениями против Матиаса. Но как только дознание закончилось, ее тут же бесцеремонно бросили в Первой гавани с небольшой суммой денег, которой едва хватало, чтобы купить билет в Равку. Как бы отчаянно ей ни хотелось вернуться на родину, Нина знала, что не может бросить Матиаса гнить в Хеллгейте.

Нина понятия не имела, что ей делать дальше, но слухи о новом грише, девушке-корпоралке, уже разнеслись по Кеттердаму. Люди Роллинса ждали ее в гавани с обещаниями обеспечить кровом и охраной. Затем они отвезли ее в «Изумрудный дворец», где Пекка лично уговаривал Нину присоединиться к Грошовым Львам и начать работать в «Сладком ателье». Она почти согласилась – уж больно нуждалась в деньгах и боялась работорговцев, патрулирующих улицы. Но в ту же ночь к ней в окно на верхнем этаже «Дворца» пробралась Инеж и передала предложение Каза Бреккера.

Нина так и не поняла, как Инеж удалось взобраться на шестой этаж посреди ночи, по скользкому от дождя камню, но условия Отбросов подходили куда больше, чем те, которыми заманивали ее Пекка и Грошковые Львы. Если она будет тратить деньги с умом, то сможет расплатиться с Пером Хаскемом через год или два! И, конечно, Каз не ошибся с выбором

человека, который должен был убедить Нину, отправив к ней сулийскую девушку, ее ровесницу, тоже выросшую в Равке и прошедшую скверный год, работая в «Зверинце».

– Что ты можешь рассказать мне о Пере Хаскеле? – спросила у нее тогда Нина.

– Немного, – признала Инеж. – Он не хуже и не лучше остальных боссов Бочки.

– А Каз Бреккер?

– Бессовестный лжец и вор. Но он сдержит слово и выполнит свою часть сделки, если вы ее заключите.

В ее голосе звучало убеждение.

– Он освободил тебя из «Зверинца»?

– Свободы в Бочке не существует, только хорошие условия. Девочки Танте Хелен никогда не зарабатывают на своих контрактах. Уж она об этом позаботилась. Она... – Инеж замолкла, и Нина почувствовала, как девушка задрожала от гнева. – Каз убедил Пера Хаскеля выкупить меня. Если бы этого не произошло, я бы умерла в «Зверинце».

– Ты можешь умереть и с Отбросами.

Глаза сулийки заблестели.

– Могу. Но я умру стоя и с ножом в руке.

Следующим утром Инеж помогла Нине сбежать из «Изумрудного дворца». Они встретились с Казом Бреккером, и, несмотря на его холодность и странные кожаные перчатки, Нина согласилась присоединиться к Отбросам и работать в «Белой розе». Меньше чем через два дня в «Сладком ателье» умерла девушка, задушенная у себя в кровати клиентом, одетым Мистером Кримсоном. Его так и не нашли.

Нина доверилась Инеж и не пожалела, хотя сейчас, в этот самый момент, ее раздражали они все. Она наблюдала, как несколько Грошовых Львов кололи ящерицу пиками. Судя по всему, монстр насытился своей трапезой и позволил загнать себя обратно в туннель. Его крупное тело извивалось из стороны в сторону ленивой волной.

Толпа продолжала свистеть. Когда на арену вышли стражники и убрали останки несчастного, от его плоти все еще исходил дым.

– Почему они жалуются? – сердито поинтересовалась Нина. – Разве они не за этим сюда пришли?

– Им хотелось настоящей драки, – ответил Каз. – Заключенный слишком быстро сдался.

– Это отвратительно.

Парень пожал плечами.

– Отвратительно то, что я не додумался до этого первым.

– Они не рабы, Каз, а заключенные!

– Убийцы и насильники.

– А также воры и мошенники. Как *твои* люди.

– Нина, милая, никто не заставляет их драться. Они сами выстраиваются в очередь. Для них это шанс. Если они выиграют, то получают хорошую еду, отдельную камеру, выпивку, юрду и свидания с девушками из Западного Обруча.

Маззен хрустнул костяшками.

– Похоже, им тут живется лучше, чем нам в Клепке.

Нина посмотрела на кричащую толпу, на зазывал, мельтешащих в проходах и принимающих ставки. Может, заключенные Хеллгейта и сами просились в бой, но деньги за это получал Пекка Роллинс.

– Хельвар... Хельвар же не участвует в боях, правда?

– Хочешь поддержать друга? Мы сюда не за этим пришли.

Он точно заслуживал хорошей оплеухи.

– Ты в курсе, что я могу заставить тебя обмочиться, слегка пошевелив пальцем?

– Полегче, сердебитка. Мне нравятся эти брюки. А если ты начнешь возиться с моими органами, Матиас никогда больше не увидит солнца.

Нина выдохнула и отвернулась.

– Нина... – пробормотала Инеж.

– Даже не начинай.

– Все получится. Позволь Казу делать то, что он делает лучше всего.

– Он ужасно себя ведет.

– Зато эффективно. Злиться на Каза за безжалостность – все равно что злиться на плиту за то, что она горячая. Ты же его знаешь.

Девушка скрестила руки на груди.

– На тебя я тоже злюсь.

– На меня? За что?

– Не знаю. Я еще не придумала.

Инеж быстро сжала ей руку, и через секунду Нина, смягчившись, сжала ее в ответ. Началась следующая битва, потом еще одна, а Нина сидела, ничего не видя, погруженная в свои мысли. Убеждала себя, что готова вновь увидеться с ним, даже в этом жутком месте. В конце концов, она гриш, солдат Второй армии. Ей доводилось видеть вещи и похуже.

Однако когда из пещеры вышел Матиас, она поняла, что ошибалась. Нина мгновенно его узнала. Каждую ночь, весь прошлый год, она засыпала, вспоминая его лицо. Эти золотистые брови и острые скулы ни с какими другими не перепутаешь. Но Каз не соврал – Матиас сильно изменился. Парень, который с яростью смотрел на толпу, был ей незнаком.

Нина вспомнила, как они впервые встретились в залитом лунным светом каэльском лесу. Его красоту она расценила как несправедливость по отношению к ней. В другой жизни, наверное, он пришел бы для того, чтобы ее спасти – рыцарь в сверкающих доспехах с золотистыми волосами и светло-голубыми глазами цвета северных ледников. Но Нина сразу же догадалась, кто он на самом деле. Достаточно было услышать, что он говорит, и увидеть отвращение на его лице, появлявшееся всякий раз, когда парень смотрел на нее. Матиас Хельвар был *дрюскелем* – одним из фьерданских ведьмолотов, которым было поручено отлавливать гришей для суда и казни. Хотя ей он всегда напоминал воина Святого войска, от которого исходило золотое свечение.

Теперь он больше походил на того, кем являлся на самом деле – на убийцу. Его голый торс выглядел так, будто был высечен из стали, и, хотя она знала, что это невозможно, он казался крупнее, словно изменилось само строение его тела. Раньше кожа Матиаса была цвета позолоченного меда, теперь – грязной и бледной, как рыбье брюхо. Его волосы... у него были такие прекрасные волосы: густые, золотистые и длинные, как принято у фьерданских солдат. Теперь же, как и все заключенные, он был обрит наголо – наверное, чтобы вши не заводились. Кто бы это ни делал, со своей задачей он справился ужасно. Порезы и шрамы на голове Матиаса Нина заметила даже издалека, как и светлый пушок в местах, где не прошли бритвой. Тем не менее он все еще выглядел красавцем.

Парень окинул зрителей убийственным взглядом и с силой крутанул колесо, едва не сорвав его с места.

Тик, тик, тик, тик. Змеи, тигры, медведь, кабан. Колесо начало замедляться и наконец

остановилось.

– Нет, – ахнула Нина, увидев, куда показывала стрелка.

– Могло быть и хуже, – вставил Маззен. – Например, снова пустынная ящерица.

Она схватила Каза за руку и почувствовала, как напряглись его мышцы.

– Ты должен это остановить!

– Отпусти меня, – произнес он напомиравшим скрежет тихим голосом, но Нина услышала в нем реальную угрозу и убрала руку.

– Пожалуйста, ты не понимаешь! Он...

– Если он выживет, я выгашу Матиаса Хельвара из этой дыры, но сейчас он сам должен за себя постоять.

Нина расстроено покачала головой.

– Ты не понимаешь.

Охранник снял с заключенного кандалы, и, как только цепи рухнули на землю, они вместе с юношей в львиной шкуре быстро кинулись к лестнице, в безопасное место. Толпа взревела и затопала ногами. Но Матиас стоял молча и неподвижно, даже когда открылись ворота, даже когда из туннеля выбежали три волка – рычащие, клацающие челюстями и бегущие наперегонки, чтобы добраться до него первыми.

В последнюю секунду Матиас припал к земле, сбивая первого волка в грязь. Затем перекатился вправо и подобрал окровавленный нож, брошенный в песок предыдущим бойцом. Парень резво поднялся на ноги, выставив клинок перед собой, но Нина чувствовала его нежелание пускать оружие в ход. Склонив голову набок, Матиас смотрел на двух кружащих вокруг него волков своими голубыми глазами, в которых читалась мольба: он словно пытался вовлечь их в какие-то молчаливые переговоры. О чем бы ни была его просьба, она осталась неслышанной. Волк справа прыгнул. Матиас присел и развернулся, вонзая нож в его брюхо. Тот издал жалобный визг, и парня передернуло от этого звука. Это стоило ему бесценных секунд. Третий волк повалил его на землю и впился зубами в плечо. Матиас перекатился, потащив волка за собой. Тот клацнул челюстями, но парень вовремя схватил их. Он раскрыл волку пасть – вены на его руках вздулись, лицо исказила свирепая гримаса. Нина зажмурилась. Раздался тошнотворный *треск*. Толпа взревела.

Матиас склонился над волком. Челюсти животного были сломаны, и зверь дергался в агонии на земле. Парень взял камень и ударил волка по голове. Когда тот замер, плечи Матиаса поникли. Толпа радостно улюлюкала, топая ногами. Только Нина знала, чего это ему стоило, ведь он дрюскель! Для них волки – священные существа. Дрюскели их разводили для сражений, как и огромных коней. Волки были их друзьями и компаньонами и боролись бок о бок со своими хозяевами.

Первый волк уже пришел в себя и начал подкрадываться. «*Осторожней, Матиас!*» – подумала Нина в отчаянии. Он поднялся на ноги, но двигался слишком медленно и устало. Его мысли занимала не битва. Противниками Матиаса были серые волки, сильные и дикие – они являлись родичами северных фьерданских белых волков. Нож он потерял, оставшись с одним лишь окровавленным камнем в руке, а последний уцелевший волк вышагивал по арене прямо перед кучей оружия. Зверь опустил голову и оскалился.

Матиас прыгнул влево. Волк набросился на него, впиваясь зубами ему в бок. Хельвар издал сдавленный звук и тяжело повалился на землю. На секунду Нине показалось, что он сдастся и позволит зверю лишить его жизни. Однако он начал рыскать рукой по песку, пытаясь что-то найти. Его пальцы нащупали кандалы, которые прежде сковывали ему

запаястья.

Матиас схватил их, закинул цепь на шею волка и сдавил ее. От напряжения вены на его шее вздулись. Заляпанное кровью лицо было прижато к шерсти волка, глаза – крепко закрыты, губы шевелились. Что он произносил? Повторял дрюскельскую молитву? Прощался?

Задние лапы волка судорожно дергались. Его глаза закатились, так что остались видны только белки, ярко выделявшиеся на фоне вздыбившейся шерсти. Из груди донесся тонкий визг. А затем все кончилось. Зверь не шевелился. Оба бойца продолжали лежать на песке. Матиас не открывал глаз, зарывшись лицом в шерсть.

Толпа одобритительно гудела. Лестница с ведущим бой юношей опустилась, и тот поднял Матиаса на ноги, победно задрал его руку вверх, а затем легонько пихнул его, и Хельвар наконец поднял голову. У Нины перехватило дыхание.

По грязному лицу Матиаса текли слезы, оставляя влажные дорожки. Вся ярость куда-то ушла, словно пламя, которое задули. Его глаза были холоднее северного моря, не выражали никаких эмоций, и во взгляде не осталось ничего человеческого. Вот что сделал с ним Хеллгейт. И это ее вина.

Стражники снова схватили Матиаса, сняли цепь с шеи волка и надели кандалы ему на руки. Когда его поволокли прочь с арены, толпа начала возмущенно скандировать:

– Еще! Еще!

– Куда его повели? – спросила Нина дрожащим голосом.

– В камеру, чтобы отоспался после битвы, – ответил Каз.

– А кто займется его ранами?

– У них есть медики. Нам нужно дождаться, пока он останется один.

«Я могла бы его исцелить, – подумала она. Но тут в ее голове раздался мрачный голос, полный издевки: – Даже ты не можешь быть настолько глупа, Нина. Ни один гриш уже не исцелит этого парня. Ты об этом позаботилась».

Шли минуты, Нина места себе не находила от нетерпения. Другие смотрели очередную битву: Маззен – жадно, сжимая кулаки и пытаясь предугадать исход, Инеж – молча, окаменев, будто статуя. Каз был, как всегда, непроницаем и наверняка вынашивал свои коварные планы, прячась за этой отвратительной маской. Нина постаралась выровнять дыхание, замедлить пульс и взять себя в руки, но ничего не смогла поделать с разбушевавшимися мыслями в своей голове.

Наконец Каз легонько толкнул ее.

– Нина, готова? Сперва охранник.

Она покосилась на тюремного стражника, стоящего у арки.

– Как сильно? – этот оборот речи, используемый в Бочке, подразумевал: «Как сильно ты хочешь ему навредить?»

– Закрывать глаза. – «Ничего серьезного, просто вырубь его».

Они последовали за Казом к арке, через которую пришли. Люди вокруг ничего не замечали, поглощенные зрелищем внизу.

– Нуждаетесь в эскорте? – спросил охранник, когда они приблизились к нему.

– У меня вопрос, – отозвался Каз. Нина подняла руки под плащом, чувствуя поток крови в венах охранника, ткань его легких. – Хочу выяснить, правда ли то, что болтают о твоей мамаше.

Нина ощутила, как подскочил пульс стражника, и вздохнула.

– Обязательно все усложнять, Каз?

Охранник шагнул вперед и поднял пистолет.

– Что ты сказал?! Я... – его веки опустились. – Ты не... – Нина замедлила его пульс, и он начал падать.

Маззен подхватил стражника прежде, чем тот рухнул на пол, а Инеж накинула на него плащ, который снял с себя Каз. Нина не сильно удивилась, увидев, что под плащом Бреккер был одет в форму охранника.

– Ты не мог просто спросить у него время или что-нибудь такое? – поинтересовалась девушка. – И где ты достал форму?

Инеж надела на стражника маску Безумца, и Маззен закинул себе на плечо его руку, будто вел очень пьяного друга домой. Они бросили охранника на одной из лавочек у задней стены.

Каз поправил манжеты.

– Нина, люди любят оказываться во власти мужчин в красивой одежде. У меня есть формы дозорных, часовых из гавани и ливреи стражников всех домов Гельдштрата. Пойдем.

Все четверо выскользнули в коридор.

Они не повернули в ту сторону, откуда пришли: вместо этого Каз повел их против часовой стрелки вокруг старой башни. Стены арены вибрировали от гула толпы и топота ног. Стражники, стоящие у каждой арки, почти не обращали на них внимания, но некоторые из охранников кивали Казу в знак приветствия. Тот шел очень быстро и прятал лицо за воротником.

Нина так глубоко погрузилась в собственные мысли, что чуть не упустила жест Каза, велевшего им остановиться и спрятаться в тени между двумя арками. Из ближайшей камеры вышел медик в сопровождении двух охранников, один из которых нес фонарь.

– Он будет спать всю ночь, – сказал врач. – Обязательно заставьте его выпить утром воды и проверьте зрачки. Мне пришлось дать ему сильное снотворное.

Когда троица удалилась в противоположном направлении, Каз разрешил им выйти. Дверь в скале была сделана из твердой стали. Посредине – узкая щель, через которую заключенным передавали еду. Каз наклонился к замку.

Нина рассматривала дверь.

– Что за дикое место!

– Большинство хороших бойцов держат в старой башне, – пояснил Каз. – Подальше от остальных.

Нина посмотрела влево и вправо, откуда лился свет с проходов на арену. Там стояли стражники. Они явно были чем-то увлечены, но стоит им повернуть голову, и Отбросов застукают. Интересно, если их поймают охранники, их отдадут под суд или просто вытолкают на ринг, на съедение тигру? *«Или кому-нибудь менее величественному, – подумала она, ощутив холодок в груди. – Например, стае разъяренных полевок».*

У Каза ушло всего несколько секунд на то, чтобы взломать замок. Дверь со скрипом отворилась, и они проскользнули внутрь.

В камере царила крошечная тьма. Через мгновение рядом с Ниной замерцал тусклый зеленый свет, исходящий от лампы. Инеж подняла маленькую стеклянную сферу над головой. Содержимое сферы составляла масса из высушенных и перемолотых тел светящихся глубоководных рыб. Такие самодельные лампы были популярны среди жуликов Бочки, которые не хотели быть пойманными в темном переулке, но и не желали таскаться повсюду с

фонарями.

«По крайней мере, тут чисто, – подумала Нина, когда ее глаза привыкли к темноте. – Пусто и холодно, но не грязно». У стены она увидела тюфяк, покрытый попонами, и два ведра; на краю одного висела окровавленная тряпка.

Вот ради чего выходили на арену мужчины в Хеллгейте: отдельная камера, одеяло, чистая вода и ведро для испражнений.

Матиас спал, лежа спиной к стене. Даже в слабом свете лампы было видно, что его лицо опухло. На раны ему нанесли какое-то масло... календула. Нина узнала запах.

Девушка пошла было к нему, но Каз схватил ее за руку.

– Пусть Инеж осмотрит его.

– Я могу... – начала Нина.

– Мне нужно, чтобы ты поработала над Маззеном.

Инеж бросила Казу трость с вороном, которую прятала под своим костюмом Бесенка, и склонилась над телом Хельвара. Маззен шагнул вперед, снял плащ, нижнюю рубашку и маску Безумца. Его голова была побрита наголо, и на нем были тюремные штаны.

Нина перевела взгляд с Матиаса на Маззена, наконец разгадав план Каза. Оба парня были одинакового роста и телосложения, но на этом сходство заканчивалось.

– Ты же не хочешь сказать, что Маззен займет место Матиаса?

– Ну, он определенно тут не для светской беседы, – ответил Каз. – Тебе нужно воспроизвести все раны Хельвара. Инеж, что там?

– Ушибленные костяшки пальцев, сколотый зуб, два сломанных ребра. Третье и четвертое с левого бока.

– Его левого бока или твоего?

– С его.

– Это не сработает, – огорченно прошептала Нина. – Мне по силам воспроизвести травмы Хельвара, но я не настолько талантливая, чтобы сделать черты лица Маззена похожими на его.

– Просто доверься мне.

– Каз, я бы не доверила тебе и шнурки на своей обуви завязать. Ты бы обязательно их украл, – она всмотрелась в лицо Маззена. – Даже если я сделаю так, чтобы оно опухло, этого будет недостаточно.

– Сегодня Матиас Хельвар – или, если точнее, наш дорогой Маззен – подхватит огненную оспу, волчий шпамм, который разносят волки и собаки. Завтра утром, когда стража обнаружит его покрытым пустулами *до неузнаваемости*, его отправят на месяц в карантин, чтобы посмотреть, переживет ли он болезнь, и переждать, когда пройдет зараза. Тем временем Матиас будет с нами. Теперь понятно?

– Ты хочешь, чтобы я придала Маззену такой вид, будто у него – огненная оспа?

– Да, и сделай это побыстрее, потому что через десять минут тут начнется суматоха.

Девушка уставилась на Каза. Что он задумал?

– Независимо от того, что я сделаю с ним, это не продержится целый месяц. Я не могу наделить его постоянной горячкой.

– Мои люди в лазарете сделают так, что его болезнь не пройдет раньше времени. Нам просто нужно, чтобы ему поставили диагноз. Давай, за работу!

Нина осмотрела Маззена с ног до головы и предупредила:

– Больно будет так, словно ты сам дрался с волками.

Он скривился, собираясь с духом.

– Ничего, я выдержу.

Нина устремила взор вверх, затем подняла руки и сосредоточилась на работе. Резко ударив свою правую руку левой, она сломала Маззену ребра.

Тот закричал и согнулся пополам.

– Хороший мальчик, – похвалил Каз. – Держишься молодцом. Теперь костяшки пальцев и лицо.

Нина нанесла синяки и порезы на костяшки пальцев и руки Маззена, следуя описаниям Инеж.

– Я никогда не видела вблизи людей с огненной оспой, – сказала девушка. Зараза была ей знакома только по иллюстрациям из учебника по анатомии, которым они пользовались на уроках в Малом дворце.

– Считай, что тебе повезло, – сухо произнес Каз. – Поторопись.

Нина работала по памяти, делая кожу на лице и груди Маззена опухшей и потрескавшейся, а также выращивая набухшие волдыри и жуткие пустулы, чтобы он действительно преобразился до неузнаваемости. Парень застонал.

– Почему ты на это согласился? – пробормотала она.

Опухшее лицо Маззена исказилось, и Нине показалось, что он пытается улыбнуться.

– Хорошие деньги.

Она вздохнула. Ну да, разве в Бочке кто-то что-то делал по другой причине?

– Настолько хорошие, чтобы добровольно сесть в Хеллгейт?

Каз постучал тростью по полу.

– Хватит докапываться, Нина. Если Хельвар согласится с нами сотрудничать, они оба обретут свободу, как только мы закончим работу.

– А если нет?

– Тогда Хельвар вернется в камеру, а Маззен в любом случае получит деньги. И я обещал ему завтрак в «Купероме».

– Можно я закажу вафли? – пробубнил он.

– Мы все закажем вафли. И виски. Уж поверь, если наша миссия провалится, никто не захочет говорить со мной трезвым. Нина, ты закончила?

Она кивнула, и Инеж заняла ее место, чтобы наложить на Маззена повязки, как у Матиаса.

– Ладно, – кивнул Каз. – Буди Хельвара.

Нина присела рядом с Матиасом, пока Каз светил ей лампой. Даже во сне лицо парня было тревожным и хмурым. Она провела рукой по его побитой челюсти, борясь с желанием задержать ее там.

– Не трогай его лицо, Нина. Мне надо, чтобы он мог передвигаться, а не выглядел красавчиком. Быстро исцели его до нужного состояния, но не более. Не хватало еще, чтобы он нашел силы с нами бороться.

Нина убрала одеяло и принялась за работу. *«Всего лишь очередное тело»*, – убеждала она себя. Каз довольно часто вызывал ее среди ночи, чтобы исцелить раненых членов «Отбросов», которых нельзя было вести к медику, – девушек с ножевыми ранениями, парней со сломанными ногами или застрявшими в теле пулями, жертв потасовок с дозорными или другой бандой. *«Представь, что это Маззен. Или Большой Боллигер, или еще какой-нибудь дурак. Ты не знаешь этого парня»*. И в этом была доля правды. Парень, которого она знала,

сейчас – только оболочка, внутри которой находится кто-то другой.

Она ласково коснулась его плеча и позвала:

– Хельвар... – он не шевельнулся. – Матиас.

В горле появился ком, а глаза защипало от желания расплакаться. Нина нежно поцеловала его в висок, хотя знала, что Каз и другие смотрят и что она выставляет себя идиоткой перед ними. Но, после столь долгой разлуки, Матиас снова был здесь, рядом с ней. Вот только изувеченный.

– Матиас, – повторила она.

– Нина? – его голос был хрипловатым, но таким же чудесным, каким она его помнила.

– О, святые, Матиас, – прошептала она. – Прошу, проснись.

Он поднял веки и посмотрел на нее своими светло-голубыми глазами.

– Нина, – тихо произнес он. Затем погладил костяшками пальцев ее щеку и ласково обхватил грубыми ладонями лицо. Казалось, он не верил собственным глазам. – Нина?

По ее щекам покатались слезы.

– Тише, Матиас. Мы пришли спасти тебя.

Но не успела она моргнуть, как парень схватил ее за плечи и прижал к полу.

– Нина, – прорычал он.

И затем его руки сомкнулись на ее шее.

Матиасу вновь снился сон. Снилось она.

Во всех своих снах он преследовал ее: иногда по зеленым весенним лугам, но чаще по ледяным полям, ловко петляя между валунами и трещинами. Он всегда догонял и всегда ловил девушку.

В приятных снах он толкал ее на землю и душил, наблюдая, как в ненавистных глазах меркнет жизнь. Наконец-то, наконец-то! В кошмарах же они целовались. В этих снах она не боролась с ним, а смеялась, будто его преследования были всего лишь игрой, будто знала, что он ее поймает, будто хотела этого и больше всего на свете мечтала оказаться прижатой его телом. В объятиях Матиаса она была идеальна и желанна. Он целовал ее и утыкался лицом в нежный изгиб шеи. Кудри девушки ласкали его щеки и, казалось, если он сможет задержать ее подольше, все раны затянутся, все обиды забудутся, и все плохое улетучится.

– Матиас, – шептала она его имя бархатными губами. Эти сны были худшими из всех, и когда он просыпался, то ненавидел себя почти так же сильно, как ее. За то, что он мог предать себя, предать свою страну, хоть и во сне... Даже после всего, что она сделала, какая-то ущербная часть его все еще ее жаждала... это уже слишком.

Сегодняшний сон был ужасен. Девушка носила синие шелка – такой роскошной одежды ему еще не доводилось на ней видеть. На голове – прозрачная вуаль, и свет от лампы мерцал вокруг нее, как капли дождя. *Джель*, как же восхитительно она пахла! Влажным мхом и ароматом духов. Нина любила роскошь, и у нее были дорогие духи – розы и что-то еще, что его нищенский нюх не мог распознать. Девушка прижалась губами к его виску, и он готов был поклясться, что она плакала.

– Матиас.

– Нина, – выдавил он.

– О, ради всех святых, Матиас, – зашептала она. – Пожалуйста, очнись!

Он проснулся и сразу же понял, что сошел с ума, потому что она находилась здесь, в его камере, стояла на коленях подле него и ласково гладила по груди.

– Матиас, пожалуйста...

Ее голос был полон мольбы. Он столько раз мечтал об этом. Иногда она молила о пощаде, иногда о других вещах.

Матиас протянул руку и коснулся ее лица. Такая мягкая кожа. Однажды он насмеялся над ней из-за этого – у солдат не бывает такой кожи, ухоженной, изнеженной. Еще он смеялся над пышными формами ее тела, стыдясь своей реакции на него.

Парень опустил ладонь на ее щеку, ощутив мягкое касание ее волос. Такая милая. Такая настоящая. Это несправедливо.

И тут он заметил кровавые повязки на своих руках. С пробуждением пришла боль – сломанные ребра, ноющие костяшки пальцев. У него откололся кусочек зуба, и в какой-то момент он порезал об него язык. Во рту все еще ощущался медный привкус крови. *Волки*. Его заставили убить волков.

Он полностью очнулся.

– Нина?

В ее прекрасных зеленых глазах блестели слезы. Его охватила ярость. У нее нет права на слезы, на жалость!

– Тише, Матиас. Мы пришли за тобой.

Что это за игра? Что за новая пытка? Только он научился выживать в этом чудовищном месте, как пришла она, чтобы добавить ему мучений.

Парень бросился вперед, скидывая Нину на пол, и сомкнул руки вокруг ее горла. Затем сел на нее, придавив коленями ее руки. Ему было прекрасно известно, какая смертельная опасность таится в ее руках.

– Нина, – проскрежетал он. Та вцепилась в него ногтями. – Ведьма, – прошипел Матиас, наклоняясь вперед. Ее глаза расширились, лицо покраснело. – Моли меня. Моли о пощаде!

Он услышал щелчок, и чей-то замогильный голос сказал:

– Убери от нее руки, Хельвар.

Кто-то сзади прижал пистолет к его шее. Матиас не удостоил его даже взглядом.

– Давай стреляй.

Он лишь сильнее впился пальцами в шею Нины. Никто и ничто не лишит его этого удовольствия.

Предательница, ведьма, дрянь. Все эти слова приходили ему в голову наравне с другими: *красавица, само очарование. Рёд фетла* – маленькая красная птичка, как он называл ее за цвет ордена гришей. Ее любимый цвет. Он крепче сжал руки, пытаясь заглушить безвольный голос внутри себя.

– Если ты действительно потерял рассудок, все окажется гораздо сложнее, чем я предполагал, – вновь раздался скрипучий голос.

Матиас услышал звук, словно что-то рассекло воздух, а затем его плечо взорвалось мучительной болью. Казалось, его ударил крошечный кулачок, но вся левая рука онемела. Парень с кряхтением начал падать вперед, все еще сжимая горло Нины. Он бы рухнул прямо на нее, если бы неизвестная рука не дернула его за ворот рубашки.

Перед ним стоял незнакомец в форме охранника. Его темные глаза блестели, в одной руке был пистолет, в другой – трость с набалдашником в виде головы ворона с опасно загибающимся клювом.

– Соберись, Хельвар. Мы пришли тебя освободить. Я могу поступить с твоей ногой так же, как поступил с рукой, и тогда нам придется тебя тащить. Или же ты выйдешь отсюда на своих двоих, как мужчина.

– Из Хеллгейта невозможно выбраться, – сказал Матиас.

– Сегодня ночью возможно.

Матиас подался вперед, пытаясь сориентироваться, и прижал к себе онемевшую руку.

– Вы не можете просто взять и вывести меня. Стражники заметят, – прорычал он. – Я не собираюсь терять свои привилегии, добытые в бою, ради того, чтобы тащиться с вами *Джель* знает куда!

– Ты будешь в маске.

– Если охранники решат осмотреть...

– Им будет не до этого, – ответил странный бледный парень. И тут раздались крики.

Матиас резко поднял голову. Со стороны арены донесся топот ног, нахлынувший, как волна: люди начали прорываться в проход за стеной его камеры. Он услышал вопли охранников, а затем – рычание большой кошки и трубный рев слона.

– Ты открыл клетки, – голос Нины дрожал от изумления, хотя, кто знает, когда она бывает искренней, а когда разыгрывает представление. Матиас избегал смотреть в сторону девушки, иначе потерял бы всякое ощущение реальности. Он и так держался из последних сил.

– Джеспер должен был дожждаться третьего удара часов, – недовольно сказал бледный парень.

– Так часы уже пробили три, Каз, – ответила невысокая девушка с темными волосами и сулийской бронзовой кожей. На нее опирался парень в бинтах, покрытый рубцами.

– С каких пор он стал таким пунктуальным? – проворчал незнакомец, глядя на свои часы. – Вставай, Хельвар.

Он протянул Матиасу руку в перчатке, и тот уставился на нее.

«Это сон. Самый странный из всех, что мне снились, но определенно сон».

Или же убийство волков наконец-то свело его с ума. Сегодня он забрал жизнь у собственной семьи. Никакие молитвы за их дикие души этого не искупят.

Он посмотрел на бледного демона в черных перчатках. Каз – так девушка назвала его. Вытащит ли он Матиаса из этого кошмара или просто загонит его в новый ад? *«Выбирай, Хельвар».*

Матиас взял руку парня. Если это происходит наяву, он избежит любой ловушки, которую подготовили ему эти существа. До него донесся вздох Нины. Что она чувствовала? Облегчение, раздражение? С ней он разберется позже. Бронзовая девочка набросила ему на плечи плащ и надела уродливую маску с клювом.

В проходе за камерой царил хаос. Мимо с криками пробегали люди в маскарадных костюмах, отталкивая друг друга, чтобы побыстрее убраться подальше от арены. Охранники достали оружие, и вдалеке послышались выстрелы. У Матиаса кружилась голова и сильно болел бок. Левую руку он по-прежнему не чувствовал.

Каз указал на дальнюю правую арку, давая им понять, что они должны двигаться против течения толпы к арене. Матиасу было плевать. Он может кинуться в гущу людей, подняться по лестнице и сесть в лодку. Но что потом? Это сейчас неважно. Времени на то, чтобы придумать план, нет.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Да (нид.).

Пит-босс – в обязанности пит-босса в игровом зале входит наблюдение за ходом игры и работой крупье.

Hellgate (*англ.*) – ворота ада.